

INSPIRIA

ЕСЛИ ВОЙДЕШЬ СЮДА,

ПУТИ НАЗАД УЖЕ

НЕ БУДЕТ...

КОМНАТА

15

ЧАРЛЬЗ
ХАРРИС

INSPIRIA

Ток. Детектив в кубе

Чарльз Харрис

Комната 15

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

Харрис Ч.

Комната 15 / Ч. Харрис — «Эксмо», 2020 — (Ток. Детектив в кубе)

ISBN 978-5-04-157621-9

Однажды инспектор полиции Росс Блэкли очнулся ночью посреди улицы, избитый, в странной одежде и... зимой. Хотя еще вчера была середина лета – лета позапрошлого года. С тех пор Росс сменил место жительства, изрядно продвинулся по карьерной лестнице, купил новую машину и даже успел обсудить с женой развод. Но ничего этого он не помнит. Его обнаруживает полицейский патруль и сразу же отправляет на место преступления — убийство молодой медсестры. Теперь детективу приходится делать вид что с ним все в порядке, и вести сразу два расследования: по делу об убийстве – и в своем собственном сознании. И это второе расследование постепенно погружает его в состояние ужаса... Бестселлер Amazon. Вы предстаёте перед судом по обвинению в совершении четырех убийств. При этом убеждены в своей невинности. Но все улики против вас. А главное — вы не помните последние полтора года вашей жизни...

УДК 821.111-312.4

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-157621-9

© Харрис Ч., 2020

© Эксмо, 2020

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	9
Глава 4	11
Глава 5	14
Глава 6	17
Глава 7	21
Глава 8	25
Глава 9	28
Глава 10	31
Глава 11	33
Глава 12	40
Глава 13	43
Глава 14	49
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Чарльз Харрис

Комната 15

Посвящается Джен, Ив и Чарли

*Не нужно комнат привиденью,
Не нужно дома...*

Эмили Дикинсон

Charles Harris
Room 15

* * *

The right of Charles Harris to be identified as the Author of the Work has been asserted by him in accordance to the Copyright, Designs and Patents Act 1988. First published in 2020 by Bloodhound Books.

Published by arrangement with Rights People, London and The Van Lear Agency.

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Copyright © Charles Harris

© Саксин С.М., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2021

Глава 1

Февраль 2011 года

До тех пор пока человек сам не окажется на скамье подсудимых, ему не осознать, как он на самом деле одинок и беспомощен. Стараясь не выдать свои чувства, я смотрю вниз, подобно тому, как окидывает взглядом открывшуюся ему картину альпинист, или зрители галерки смотрят на сцену. Внизу вижу адвокатов и их помощников, прокуроров, присяжных на отдельных скамьях, публику в зале и, разумеется, судью. Все так поглощены чем-то, так уверены в себе – все знают, что они будут делать сегодня вечером, на следующей неделе, через год. В то время как я сижу в обществе полицейских, не в силах представить свое будущее дальше чем на несколько дней, не в силах ничего сделать для своего спасения.

Только в самом начале меня о чем-то спросили, когда секретарь зачитал обвинения – четыре убийства, одно покушение на убийство и нанесение тяжких телесных повреждений. На каждое обвинение я ответил: «Не виновен», но голос мой прозвучал слабо. Мой собственный голос подвел меня. С тех пор на протяжении вот уже двух с половиной последних недель я молчал. Семнадцать мучительных дней и бессонных ночей.

Но наконец приходит мое время. Я встаю и покидаю скамью подсудимых, направляясь к кафедре для свидетелей, стараясь придать себе спокойный вид. Как будто я полностью уверен. Как будто в глубине души не жалею о том, что мой адвокат Стоун не настоял на своем, убедив ничего не говорить. Прокурор сидит, обложившись своими папками, полуприкрыв глаза, и ждет какого-нибудь сбивчивого моего ответа, который можно будет использовать против меня. Я прекрасно сознаю риски. Достаточно одной оговорки или неправильно понятого слова. И тут, к моему изумлению, когда я поднимаюсь на кафедру для свидетелей, открывается дверь на балкон для публики и моя жена появляется в зале суда впервые с начала процесса. Одетая в строгий темный костюм, она находит последнее свободное место в заднем ряду и садится. Я пытаюсь улыбнуться ей, показать, какие силы придало мне ее присутствие здесь, но она избегает встречаться со мной взглядом.

Воздух сухой и гнетущий – мне не нравятся эти современные залы суда без окон, полностью отрезанные от окружающего мира, – и сейчас здесь так тихо, как на моей памяти еще не было за последние две недели. У меня такое чувство, будто я попал в западню.

Оглядываюсь на присяжных. Для того чтобы признать меня невиновным, лишь требуется заронить им сомнение. В течение двух недель я наблюдал за ними, стараясь определить, есть ли у кого-либо из них хоть какие-нибудь сомнения. Молодая женщина в розовато-лиловом платке и пожилой мужчина на протяжении всех заседаний оставались бесстрастными, в то время как чернокожая женщина средних лет у них за спиной, сменяющая одну за другой желтые футболки, внимает происходящему, разинув рот. Хорошо это или плохо, если один из присяжных потрясен? На кого мне можно надеяться – на рыжеволосую женщину, старательно делающую заметки, или на внимательного молодого индийца справа от нее, то и дело покачивающего головой?

Стоун отпивает воды из стакана и, оттолкнувшись от стола, медленно поднимается на ноги. Это выпускник частной школы, с взъерошенными волосами и лондонским акцентом, говорящий по-английски так, словно он выучил язык по слегка устаревшему словарю штампов; его любимые выражения – «недалеко от истины», «поддадим газу» и «если хорошенько поднапрячься». На предварительных заседаниях он демонстрировал профессиональную расслабленность, однако по ходу судебного процесса его небрежное спокойствие улетучилось, и это меня пугает.

Вчера вечером, в убогой комнате для встреч на первом этаже, залитой ярким светом, мы со Стоуном в очередной раз крупно повздорили относительно того, выступать ли мне в суде.

Я заявил, что должен сказать свое слово. Стоун считал, что лучше мне этого не делать. Что я только все испорчу – покажу себя слишком холодным и бесчувственным. Я знаю, что порой меня считают холодным профессионалом. Я могу производить на окружающих впечатление человека бесстрастного, даже замкнутого, но таковы требования моего ремесла. Внутри я не такой. Я могу быть эмоциональным, как и все, и в любом случае у меня есть опыт дачи показаний в суде. Но, возразил Стоун, не в качестве обвиняемого.

Представитель полицейского профсоюза согласился с ним, но я настоял на своем, заявив, что выгоню их вон, если захочу, и сам буду представлять свои интересы. Затем, когда мы уже были готовы вернуться в зал суда, Стоун неожиданно пошел на попятную. Сказал, что я могу дать показания, даже несмотря на то что он по-прежнему считает это ошибкой.

И вот сейчас, когда я стою на кафедре, Стоун сверяется со своими записями, поворачивается вполборота ко мне, вполборота к присяжным и произносит ровным тоном:

– Детектив-инспектор Блэкли, расскажите нам, что вы поняли первым делом вечером в субботу тринадцатого февраля две тысячи десятого года.

– Я понял, что идет снег.

Каждое мое слово тщательно подобрано. Я снова и снова прокручивал их в голове, пытаюсь найти подводные камни, опасные ссылки, намеки, которые могут быть превратно истолкованы присяжными. Стараясь сохранить внешнее спокойствие, я жду следующего вопроса.

– Идет снег? – Стоун вопросительно поднимает брови, хотя, разумеется, он уже наперед знает ответ. – И почему это имело для вас такое значение?

– Потому что я думал, что на дворе лето. Я полагал, что это воскресенье, десятое августа две тысячи восьмого года.

Не кажется ли все это слишком медленным, слишком продуманным? Мысленно беру на заметку показать присяжным то, что я способен на сильные чувства, несмотря на все то, что они здесь слышали.

Стоун отрывается от своих записей. Я чувствую его нерешительность. Он снова смотрит на меня.

– А почему вы так думали?

И мы оба понимаем, что теперь обратной дороги нет.

Глава 2

Годом раньше

Суббота, 13 февраля 2010 года, 21.00

Что-то жутко не так. Идет снег, но на дворе август. Я поднимаю взгляд на кружащиеся в свете фонаря белые хлопья, и в этот момент мне прямо в ухо сигналил клаксон. Я раздраженно оборачиваюсь и вдруг вижу, что стою посреди улицы, плавно покачивающейся у меня под ногами. Но я не пьян, я в этом уверен. Водитель кричит что-то, я не разбираю его слова; он громко ругается и, рванув с места, уезжает прочь.

Что я здесь делаю? Ночь темная и ужасно холодная – не помню, чтобы летом было так холодно, – и, хлопая руками, чтобы хоть как-то согреться, я двигаюсь дальше туда, куда шел. Но куда я шел? С одной стороны тянутся тускло освещенные муниципальные дома. Вдалеке стоит погруженная в темноту церковь, устремив в небо свой черный шпиль. Я ее не помню. В другой стороне – неосвещенный автомобильный салон, за стеклом смутно видны призраки непроданных машин. С нарастающим ужасом я чувствую, что и его вижу впервые.

Двое прохожих, увидев происходящее, подходят ко мне. Один из них берет меня за руку и помогает подняться на тротуар.

– У тебя всё в порядке, приятель? – спрашивает он.

Я смущенно бормочу, что они напрасно беспокоятся. Второй мужчина всматривается мне в лицо.

– Принял лишнюю рюмку? Не хочешь сесть? В ногах правды нет.

– Нет-нет, всё в порядке, – говорю я.

Затем с ужасом замечаю, что он засовывает руку в карман моей флиски. Я бью его по руке, но он снова пытается вытащить мой бумажник. Я отталкиваю его, и он со смехом отходит прочь, бросая за спину:

– Алкаш несчастный!

– Я не пьян, – говорю я и пытаюсь схватить второго, но тот также отступает назад, размахивая руками, словно ничего не произошло.

Я пробую их догнать – но у меня болит нога, а эти двое здорово меня опередили и вскоре скрываются в переулке.

Остановившись, я учащенно дышу, прислонившись к стене, и пытаюсь сориентироваться. Я чувствую себя глупо и совершенно сбит с толку. Снег ложится на мостовую белой пеленой. У меня болит шея; я растираю ее и смотрю на снежные хлопья, плавно опускающиеся на землю, друг на друга. Затем отнимаю руку.

Она мокрая от крови.

Глава 3

Я стараюсь не поддаваться панике, дышать ровно. Что со мной происходит? Меня сбила машина? Я с кем-то подрался? Всмотревшись в свое отражение в лужице на асфальте, я вижу, что кровь течет из шеи слева и со лба, но, насколько можно судить, раны несерьезные.

Превозмогая боль, я с трудом опускаюсь на тротуар. Где-то в соседнем муниципальном доме смеется женщина, пугающий летний снегопад продолжается, снежинки скользят в свете фонаря. Я смотрю, как кружащиеся белые точки опускаются мне на флиску и, блеснув, умирают. Флиска на мне качественная – «Патагония», темно-синяя, с отделкой, хотя и здорово поношенная, – но она явно не моя. Это не мой стиль. Как и дорогие модные джинсы и кроссовки «Тимберленд». Где моя обычная одежда – спортивный костюм «Маркс энд Спенсер» и куртка?

Вытянув ноги на ледяной земле, я вытираю руку о мокрый асфальт. Как могу, оттираю кровь, благодаря Богу за то, что никто не видит, как я сижу здесь словно нищий. Обычно я практически в любых ситуациях сохраняю спокойствие и считаю, что нужно действовать по правилам, выбирать, каким путем двигаться дальше. Какая бы ни была проблема, путь непременно есть. Поэтому я стараюсь взять себя в руки, методично обыскивая карманы чужой флиски. Сначала нахожу дорогой незнакомый бумажник. Затем достаю сигнализацию от «Ауди» и связку ключей, которые вижу в первый раз, а также дорожный смартфон «Блэкберри», также не мой. Теперь мне уже страшно. Я все это украл? В другом кармане нахожу еще один дорогой сотовый телефон. К моему удивлению, оба телефона отключены.

Пальцы у меня начинают неметь от холода, но мне удается открыть бумажник, и внутри я, к своему облегчению, нахожу свое собственное удостоверение и водительские права. Хотя меня здорово удивляет вид большой пачки денег – обычно я считаю за счастье, если у меня в кармане завалялась пара двадцаток. Положив бумажник и ключи на асфальт рядом с собой, включаю телефоны. Экран «Блэкберри» тотчас же заполняется: мои рабочие телефоны, и еще сотня сообщений из участка с вопросом, куда я пропал.

Переключаю внимание на второй телефон и просматриваю список контактов. Здесь также есть мои номера, в том числе личные, но затем я замечаю: на этом телефоне все сообщения удалены. В списке входящих вызовов всего два звонка, оба сегодня вечером, оба с одного номера. Я ищу этот номер в списке контактов, но его там нет. Как и на рабочем телефоне. Звоню по нему, но автоматический голос Сети отвечает, что абонент временно недоступен, а голосовой почты у него нет.

Ветер кружит, швыряя мне в лицо снежинки. Я хочу есть. У меня затекло тело. Мне нужно двигаться, но сидеть на земле не так страшно. Смотрю на часы – половина десятого. Мне нужно идти домой? Или в больницу? Но я не при смерти. Я просто забыл кое-что. Но многое помню: как меня зовут, где я работаю. Помню Лору. Как было бы хорошо вернуться домой к ней – в свою теплую постель, к своей теплой жене...

Но когда я силюсь вспомнить, что делаю здесь, у меня ничего не получается. Это какой-то экзамен, который я не могу сдать. Я не понимаю, что происходит, и это все больше меня пугает.

Но всему есть предел. Быть может, если я заставлю себя пошевелиться, это что-нибудь подтолкнет. Поэтому я распахиваю все обратно по карманам флиски и поднимаюсь на ноги. Предпринимаю еще одну попытку вспомнить, вернуться к тому моменту, когда обнаружил, что стою посреди улицы. Куда я направлялся? Откуда пришел? В качестве эксперимента я направляюсь в сторону погруженной в темноту церкви. Но всего через десять шагов отчаиваюсь. Это что-то не то. Я разворачиваюсь к закрытому автосалону. И это тоже не то. Все бесполезно. В отчаянии я схожу с тротуара на мостовую, чтобы лучше оглядеться.

Как раз в этот момент за падающим снегом появляется синяя мигалка, приближающаяся ко мне. Я колеблюсь, не зная, как к этому отнестись. Патрульная машина останавливается, и полицейский сержант пристально смотрит на меня. Он чернокожий, средних лет, с округлым лицом.

– Сэр, – говорит сержант, – мы вас повсюду разыскиваем.

Глава 4

Это тот самый кошмар, который мучил меня в раннем детстве. Тень за дверью. Я не помню, что делаю здесь сейчас, но помню тот кошмар, хотя мне хотелось бы его забыть. Если выразить все словами, получится какая-то ерунда. Ночь за ночью я лежал без сна, не отрывая взгляда от двери, боясь заснуть. Если я засну, придет кошмар. Безликая тень, скорее звериная, нежели человеческая. Она стояла в темноте за дверью спальни, готовая наброситься на меня и вцепиться мне в лицо. Я просыпался в панике, не в силах отдышаться. Даже сейчас это воспоминание причиняет мне боль. Наверное, кошмар являлся мне несчетное число раз, и всякий раз мать прибежала ко мне в комнату. Это пока она еще была здоровой.

Миниатюрная женщина, мать была очень деятельной, словно именно она была виновата во всем плохом, что происходило со мной, даже в моих снах. Мать включала ночник и обнимала меня, а я лежал в кровати, всхлипывая, не в силах говорить, не в силах объясниться. Ее тело в махровом халате было мягким, от нее пахло туалетной водой с яблочным ароматом, и она говорила обо всем. Рассказывала мне сказки про чудовищ, которые оказывались дружелюбными. Пела песни, которые пела, когда сама была маленькая. И мы рассказывали друг другу о том, что произошло с нами за минувший день, и строили планы на день грядущий. Мать всегда старалась устроить какой-нибудь праздник – скажем, сходить в зоопарк или купить какой-нибудь новый торт, какой я еще не пробовал. Пол никогда не приходил к нам. (Я всегда называл его Полом. Не помню, когда перестал называть его папой.) Он оставался в родительской спальне и не мешал нам с мамой побыть вдвоем. По крайней мере в этом родители были согласны.

Значительно позднее, когда мы остались вдвоем, форма проявления отеческой любви Пола стала совсем другой – вращающейся в основном вокруг церкви и пивной. Считалось, что посещения церкви полезны обоим нашим душам, в то время как пивная предназначалась больше для него, чем для меня. Обычно кружка пива, иногда стаканчик виски. Это развязывало Полу язык, позволяя на время забыть о своих претензиях ко мне, каковых было несчетное количество. Это были наши лучшие моменты вместе. К счастью для Пола, в то время в полиции к лишнему весу и неважной физической форме относились не так строго, как это стало тогда, когда туда поступил я, а к тому времени, как отношение изменилось, он уже уволился. Что касается меня, я, к счастью, никогда не пил так, как Пол, и всегда следил за собой. А мой отец не отличил бы гимнастический мяч от гири.

Не знаю, почему я вспоминаю этот кошмар сейчас, когда сержант везет меня в неведомое. Но это какое-то отрывочное воспоминание, которое иногда мелькает перед глазами, иногда кружится совсем рядом, постоянно ускользая. Образ. Ощущение того, что ты куда-то бежишь. Звук разбивающегося стекла, яркий луч августовского солнца, запах пролитого вина. Пирушка. Я пытаюсь поймать эти осколки, но они снова и снова исчезают. Это уже само по себе кошмар. Меня хватил удар? У меня в мозгу раковая опухоль?

Сдерживаю панику и мысленно перебираю все, что могу вспомнить. Я помню свое детство. Помню школу – футбол и бокс всегда давались мне лучше, чем Шекспир и экзамены по математике. Но я усердно учился. Я приносил тетрадки с контрольными домой, а мать вешала их на холодильник, восхищаясь моими оценками за все, что я нацарапал, так, будто мне вручили Нобелевскую премию. Пол придерживался иного мнения, но у него хватало ума помалкивать, не мешая ей купаться в отраженном свете моего позора.

Я всегда хотел стать полицейским. Когда я впервые сказал об этом матери, она уже была больна и не могла иметь какое-либо мнение на этот счет – а может быть, просто побоялась его высказать, – но Пол упорно не желал смириться с мыслью о том, что я буду работать вместе с ним.

Не важно. Первое мое место службы после полицейского колледжа в Хендоне было далеко от него – патрульным на улицах Хиллингдона. Помню свое продвижение по службе. Я стал исполняющим обязанности детектива-констебля в Хэрни. (К тому времени я уже начал шутить, что в отделе кадров есть какой-то коварный сотрудник, отметивший мое личное дело так, что теперь меня могут направить только в округа, название которых начинается с буквы «Х». Я терпеливо ждал, что в следующий раз меня распределят в Хэрингей или Харлесден.) Я наслаждался жизнью в штатской одежде, но в полиции от человека требуют двигаться зигзагами, так что после сдачи экзамена на звание сержанта я снова надел форму (в Уолтэмстоу; сотрудник отдела кадров смягчился – или же его сместили), прежде чем снова бежать от нее в детективы-сержанты Управления профессиональных стандартов столичной полиции. Если вы хотите, чтобы товарищи вас презирали, идите в Управление профессиональных стандартов. Пусть вас не сбивает с толку безликое наименование: мы зарабатываем на жизнь, расследуя грязные делишки продажных полицейских; и вскоре я выяснил, что хотя честные полицейские ненавидят продажных полицейских, еще больше они ненавидят тех, кто ловит последних.

В это лето я сдал экзамен на звание инспектора, причем с первого раза, – единственный экзамен, который мне дался особенно легко, к моей радости и облегчению. На прошлой неделе я готовился к торжественному банкету в честь этого события...

Сержант сбавляет скорость перед выстроившейся вереницей машин, включает сирену и выезжает на встречную полосу. Движение такое же плотное, как и спертый воздух в салоне, и я внимательно слежу за каждым его движением. Он обращается ко мне с дружеским уважением, словно мы с ним в хороших отношениях. Вспоминаю, что встречался с ним в коридорах участка, однако фамилии его я не знаю. С другой стороны, в этом участке я проработал совсем недолго. Насколько близкие у нас отношения? Мы работали вместе, но я это забыл? Мы делились какими-то личными секретами, которые я должен помнить? Это приводит меня в ужас: я понятия не имею, что, по мнению сержанта, должен знать.

Он с силой хлопает ладонями по рулю и говорит:

– Это здорово, сэр, что вы смогли заглянуть в пивную ко мне на день рождения. И задержались так долго. Ребята были рады. А какой тост вы произнесли! Очень смешной, – тепло добавляет сержант. – Хотя могли бы этого и не делать.

Я не знаю, что на это ответить, поскольку не помню, чтобы когда-либо выпивал с ним, а произносить тосты я терпеть не могу.

– Всё в порядке, – наконец говорю я, чувствуя, что вспотел от страха.

Но сержант улыбается, сосредоточившись на дороге. Он говорит обо всем, кроме того, куда мы едем. Даже когда жалуется на дорожные заторы, его голос обладает мелодичной певучестью, которая могла бы усыпить мою бдительность, заставив меня признаться, что я его не помню.

– Поганая погода, – говорит он. – А вы слышали прогноз? Все выходные будет валить снег.

– Ну, определенно, это похерит летний туризм, – говорю я, пытаюсь пошутить.

Но сержант смотрит на меня как-то странно. Что такое я сказал?

– Определенно, это что-нибудь похерит.

Смотрю в окно на прохожих и освещенные витрины. Мне кажется, я должен бы узнать эти улицы. Они похожи на Кэмден-Таун. Если так, мы, вероятно, направляемся на юг, однако полной уверенности у меня нет, и я молчу.

Пролитое вино. Я испытываю шок, осознав, что это мое последнее воспоминание. Бокал разбился на моем торжественном банкете всего несколько минут назад. Вот только сейчас ночь, так что с тех пор должно было пройти больше нескольких минут.

Я стоял на жарком летнем солнце. Я расслабился, вместе со мной стояли два моих друга, мы пили, но тут я начал напрягаться – не помню, почему. Лора была рядом. Она улыбалась

мне, затем рассеянно провела пальцами по волосам. У нее такая привычка. Она оживленно разговаривала с коллегой по работе, разбирая дела, несомненно, или обсуждая обстановку в конторе. Женщине нелегко быть адвокатом – особенно чернокожей.

Что-то прерывает Лору, и она бросает на меня встревоженный взгляд, после чего улыбается. Внезапная неожиданная улыбка, выражающая единение и поддержку. Именно в этот момент я услышал звон разбитого стекла и почувствовал запах пролитого вина. Я разозлился. По поводу бокала? А то еще почему?.. Не могу вспомнить.

А следующее мое ощущение – я стою посреди улицы, глядя на падающий снег.

* * *

Сержант смотрит на меня так, словно я что-то сказал, но я уверен, что ничего не говорил. – Наверное, вам нужно кому-нибудь показаться с этим.

Он имеет в виду мои лицо и шею. Я стараюсь сохранять спокойствие и отвечаю, что всё в порядке. Сержант – стреляный воробей и не станет спрашивать напрямую, откуда у меня эти раны, но я чувствую, что он строит догадки на этот счет.

Мы сворачиваем к вокзалу Кингс-Кросс. Теперь я уже узнаю улицы. Это облегчение. Достая свой рабочий «Блэкберри», открываю сообщения и на этот раз пролистываю их до самого конца. Одно из первых пришло вчера в восемь утра: напоминание о встрече в три часа дня в Скотленд-Ярде с помощником комиссара. Однако я ничего не помню о ней, и это снова ввергает меня в панику. Встречу с таким высокопоставленным чиновником забыть нельзя. Но затем я с ужасом замечаю, что сообщение датировано не августом 2008 года. Датой отправления указан февраль 2010 года.

Как можно было совершить такую нелепую ошибку? Я проверяю по телефону сегодняшнее число. Он также показывает 2010 год. Суббота, 13 февраля. Должно быть, какие-то проблемы с Сетью. Смотрю на свой личный телефон. То же самое. Я обливаюсь потом, несмотря на холод. Как оба телефона могут ошибаться на полтора года?

– Я его нашел, – без всякого предупреждения говорит сержант. Я уже готов спросить у него, что он имеет в виду, когда до меня доходит, что он разговаривает по рации. – И мы будем на месте через пять минут.

Во время разговора сержант называет свою фамилию: Норрис. Кажется, он сказал именно так. Сержант дает отбой, оглядывается на меня и повторяет:

– Через пять минут.

Но не уточняет, где мы будем через пять минут.

Я не отвечаю. Не могу. На самом деле мне хочется спросить: какой сейчас год? Сегодня воскресенье августа 2008 года или суббота февраля 2010-го? Неужели я потерял восемнадцать месяцев жизни? Я словно держусь за тонкую ниточку. Если ее выдернуть, весь мой мир развалится. Но я даже не представляю себе, куда меня это заведет.

Глава 5

Мы проезжаем мимо вокзала Кингс-Кросс и сворачиваем на узкую улочку с односторонним движением, запруженную плотным потоком машин вечернего часа пик. Перед нами полицейская машина с включенной синей мигалкой, но пустая. Норрис (если это его фамилия) останавливается за ней и выходит из машины, бормоча что-то себе под нос. Я борюсь с иррациональным желанием развернуться и бежать. Но Норрис мужчина мускулистый, и в своем нынешнем состоянии я не пробегу и пяти метров, прежде чем он меня догонит. И тут, словно прочитав мои мысли, он говорит:

– Нам здорово повезло, сэр, что я вас встретил. Народа не хватает. Половина участка свалилась с гриппом. Не осталось ни одного следователя. Наверное, вы в настоящий момент единственный. И погода такая... Этот снег...

И только теперь я, к своему разочарованию, понимаю, зачем ему нужен.

Большинство полицейских дел начинается с того, что кто-то звонит по «999». Первым на место прибывает патрульный констебль. Обыкновенно докладывать не о чем: пьяная драка или ссора мужа с женой. В таких случаях задача констебля заключается в том, чтобы установить мир, а самому не ввязаться в заварушку. Но иногда дело оказывается посерьезнее. Несчастный случай со смертельным исходом, убийство или самоубийство. Констебль оцепляет место происшествия и вызывает дежурного следователя. В участке постоянно дежурит на случай чрезвычайных происшествий детектив-инспектор, назначаемый по графику. И надо же так случиться, что сегодня это я. Вот почему мне звонили.

Чувство долга может быть проклятием. Подавляющее большинство окружающих меня людей обходятся без этого, однако я устроен по-другому. Терпеть не могу кого-то подводить. Порой даже жалею о том, что я такой. Но сейчас я хромаю следом за сержантом Норрисом по обледеневшему тротуару, предательски запорошенному свежим снегом, пока мы не оказываемся перед негорящей вывеской «Отель Авива». Норрис колотит в стеклянную дверь, и ее тотчас же открывает молодой портье в джинсах и футболке.

– Наверху, номер пятнадцать, – кратко говорит он, указывая в глубь здания.

– Мистер Блэкли, – официальным тоном произносит Норрис, предлагая мне жестом идти первому.

Моя задача заключается в том, чтобы осмотреть место происшествия. Меня не покидает страх, что у меня серьезные неполадки с головой и я могу запороть расследование с самого начала. Но погода... снег... Я связан по рукам и ногам чувством долга.

Поэтому мы идем гуськом – портье, затем я, последним Норрис – мимо пустой комнаты для переговоров с одиноким компьютером и поднимаемся по узкой лестнице на первый этаж. Гостиница внешне выглядит очень опрятной и пахнет свежей краской, но с привкусом чего-то менее приятного, что я никак не могу определить. Норрис говорит без умолку, снова вернувшись к своей любимой теме – погоде, радуясь новому человеку, которому можно пожаловаться, – а молодой ночной портье кивает и вздыхает время от времени, чтобы выразить солидарность своему собрату, также вынужденному работать ночью, пусть этот собрат и из полиции.

Мы проходим мимо двух номеров – свет горит, постельное белье раскидано, словно постояльцы покидали гостиницу в спешке. Затем коридор изгибается, неуклюже, как это частенько бывает в старых гостиницах, потолок внезапно опускается, и вот перед нами стоит констебль, поджидающий нас с нескрываемым удовлетворением. Он почтительно вытягивается в струнку и обращается ко мне «сэр». Норрис зовет его Райаном. Я не знаю, должен ли его помнить.

Райан выглядит так, будто только что закончил испытательный срок: молодой, краснолицый. Не в силах не обращать внимания на мою шею, он спрашивает:

– Всё в порядке, сэр?

– Всё в порядке, – отвечаю я, но Райан не может оторвать взгляда от кровавой ссадины.

Что он обо мне думает – я весь в крови, одежда мятая и грязная? Но чувство долга работает в обе стороны: Райан должен относиться ко мне как к своему начальству, по крайней мере до тех пор, пока у него не появятся веские основания так не делать. Затем, несмотря на свое мнение, он умолкает, и я замечаю у него за спиной полуоткрытую дверь: номер 15. Внутри могу разглядеть лишь смятый ковер и угол кровати.

Непроизвольно настраиваюсь на привычный ритм, надеясь на то, что нужные слова придут сами собой.

– Так, рассказывай, что тут стряслось, – говорю я, и Райан достаёт записную книжку. Руки у него дрожат, и он не в силах этого скрыть.

– Я прибыл на место в двадцать один двадцать, – докладывает Райан. – Дверь была такой, как вы видите ее сейчас, сэр, приоткрыта на два дюйма. Я также заметил не полностью закрытое окно. Явные следы недавней борьбы. Я сделал предварительный набросок...

Мне его жалко. Он пытается спрятаться за официальным полицейским жаргоном, но на самом деле его неуверенность помогает мне, давая моему заполненному кашей мозгу лишнюю минуту на то, чтобы втянуться в рутину. Я кладу руку ему на плечо и прошу его успокоиться.

Райан несколько расслабляется, но по-прежнему не смотрит в сторону номера.

– На кровати сидит молодая женщина. Осмотрев ее от двери, я заключил, что она выглядит мертвой.

– Выглядит мертвой? – Технический жаргон коробит сильнее обычного.

– Так точно, сэр. Да, как я и сказал. Чтобы не уничтожить следы на месте преступления, я остался в дверях. Обратил внимание на многочисленные пулевые раны... входные отверстия... – Райан осекается и с надеждой смотрит на меня.

– Как ее зовут? – спрашиваю я, выигрывая время, чтобы вернуться в привычное русло.

Райан молча качает головой. Мы дружно поворачиваемся к ночному портю, но это не та гостиница, где у постояльцев спрашивают фамилии. Я продолжаю импровизировать.

– Место преступления должно быть оцеплено. – Это что-то прочное, за что можно ухватиться. – Почему этого не сделано?

Констебль краснеет еще сильнее.

– Я здесь один, сэр. Я не хотел оставлять все без присмотра, пока буду ходить за лентой к патрульной машине.

Мне его жалко. Я успокаиваю коллегу и затем ловлю себя на том, что каким-то образом вспоминаю процесс. Это так хорошо – делать что-то определенное! Нужно лишь катить мяч дальше, не давая ему остановиться, следовать правилам, после чего вернуться домой и лечь спать. В конце концов мне это удастся.

Я прошу организовать два уровня оцепления – синяя лента внизу, красная наверху, в коридоре, – а когда Норрис уходит за лентой, говорю ночному портю, что через пять минут допрошу его. Он торчит здесь, и я велю ему спуститься вниз и ждать меня в офисе. Портю неохотно уходит, словно я лишил его какого-то веселья. У меня разболелась голова, мое сознание затянуто туманом, но это не имеет значения. Я уже увидел выход. Этим делом буду заниматься не я, его передадут группе осмотра места преступления, которая, в свою очередь, передаст его в отдел по расследованию убийств, – а я в этой цепочке лишь промежуточное звено.

– Доставай свой телефон. Убедись в том, что криминалисты уже в пути, – спохватившись, напоминаю я Райану. – Ты точно не входил в номер? – Он снова трясет головой. – А почему, твою мать? Ты ведь не знаешь точно, что она мертва. Об этом можно говорить только после того, как факт смерти установит врач.

Я неуверенно отрываюсь от стены, сую руку в карман флиски и достаю латексные перчатки.

– Сэр! – испуганно произносит Райан. – Может быть, лучше надеть полный защитный костюм?

– У тебя что, здесь где-то припрятаны костюм и сапоги? Потому что эта женщина, возможно, еще цепляется за жизнь, а может быть, там лежит еще одна жертва или где-то внутри прячется преступник... Я не собираюсь ждать, твою мать!

На самом деле я запросто мог бы оставить осмотр места преступления криминалистам, но кто знает, когда они сюда придут... Опять же, это чертово чувство ответственности, которое я не могу проигнорировать, каким бы больным и напуганным я ни был. Хотелось бы надеяться, что это отвлечет меня от собственных страхов.

Я толкаю ботинком дверь номера 15.

Глава 6

Есть на месте убийства что-то странное и застывшее. Кажется, будто ты вышел на сцену до конца пьесы. Остается одинокий актер, ждущий подсказки, которая так и не последует.

В самый последний момент я рассеянно вспоминаю, что нужно убедиться, все ли безопасно. Нельзя ничего принимать на веру. Комната изгибается буквой «Г» относительно ванной кабинки, своими тонкими перегородками не достигающей до потолка. Но дверь ванной полуприкрыта, и я пока что не могу быть уверен в том, что внутри никто не прячется. Усугубляет дело то, что лампа центрального света разбита и в номере царит угрюмый полумрак. Двухспальная кровать стоит вдоль противоположной стены, все еще аккуратно заправленная, но подушка пропитана кровью. Красные брызги на стене и полуоткрытом окне. На удивление, мне холодно. На улице кружат снежные хлопья, мерцающая синим в отсветах мигалок двух полицейских машин внизу. А затем...

Все дело в ее глазах. Она пристально смотрит на меня с кровати, куда ее отбросило, зажатая в угол у окна. Не может быть и речи о том, чтобы она была жива.

– Выглядит мертвой, – снова говорит Райан, стоящий у меня за спиной. Голос у него натянутый, словно он старается не смотреть.

На вид женщине лет двадцать с небольшим; короткая розовая челка на лбу. Легкая коричневая куртка практически идеально маскирует тело на фоне обоев. Я заставляю себя сосредоточиться на куртке, наброшенной поверх простенького зеленого платья: и куртка, и платье промокли насквозь от крови. Серебристые сапоги-дутики также забрызганы. Несмотря на многолетний опыт, я никогда не забываю, что у лежащего передо мной человека была жизнь, которой у него теперь нет.

– Пять входных отверстий, насколько я могу судить, – говорю я, снова возвращаясь к привычной рутине. Просто выполняю свою работу. Как робот. Механически. Не обращая внимания на чувства.

– И еще одно отверстие позади нее, сэр, в стене, – подсказывает Райан.

– Отлично, но почему так много? Это что, бандитские разборки? Размолвка влюбленных, зашедшая слишком далеко? Или акт мщения?

Райан ничего не отвечает, а я в своем туманном состоянии стараюсь не делать поспешных выводов. Девушку нельзя назвать красивой, но и непривлекательной ее тоже не назовешь; круглое лицо – без косметики, нет даже губной помады, – и этот взгляд, широко раскрытые застывшие глаза, словно она видит кого-то в коридоре у меня за спиной. Поскольку я и так чувствую себя разобраным и не в себе, от ее взгляда я каменею, поэтому отворачиваюсь.

Нельзя допускать, чтобы место преступления оказало на меня такое сильное воздействие. Райан снова спрашивает, всё ли со мной в порядке, но я не обращаю на него внимания и прохожу дальше в комнату.

– Когда ты получил звонок?

– Прошу прощения, сэр?

Заглядываю за дверь. Одни только тени. Тогда я пересекаю комнату и открываю дверь в крохотную ванную. Она пуста. Убийцы там нет, как и еще одного труп на потертом пластиковом полу. Но от ледяного сквозняка из окна меня охватывает дрожь. Чтобы согреться, я подхожу к батарее под окном. Она едва теплая, разумеется. Какая замечательная гостиница – никаких лишних затрат...

– В какое время поступил звонок на «три девятки»?

Райан листает записную книжку.

– В двадцать один пятнадцать. Кто-то услышал выстрелы.

– Ты был здесь через пять минут?

- Я как раз находился с противоположной стороны от Кингс-Кросс, сэр.
- И больше никто ничего не слышал? Ты говорил с другими постояльцами?

– Здесь пусто, – после небольшой паузы говорит Райан. – Если и были другие постояльцы, все они смылись до моего появления.

Что удивляет меня не больше, чем отвратительное отопление или отсутствие журнала. Я открываю свою записную книжку и трясущимися руками быстро делаю зарисовку места преступления. Похоже, у двери была драка, жестокая и яростная. Один стул разломан надвое, а фарфоровый ночник валяется у меня под ногами, разбитый вдребезги; осколки рассыпаны по всему полу. Протертый ковер сгрудился, дверца дешевого гардероба распахнута настежь – внутри ни одежды, ни прячущегося убийцы. Ближе к кровати лежит большая сумка через плечо, выплеснувшая из себя обыкновенный хлам: тушь для ресниц, помада, скомканная одноразовая салфетка.

- Ты нашел оружие? – спрашиваю я.

– Никак нет, сэр.

Поднимаю взгляд на потолок.

- Эта дырка в штукатурке похожа на пулевое отверстие?

Райан смотрит туда от двери и соглашается с моим предположением.

- Как ты полагаешь, пистолет мог случайно выстрелить в ходе драки?

Он полагает, что мог.

- Ты проверил номер наверху, там нет других трупов?

Когда Райан качает головой, я говорю ему сделать это сейчас, быть может, резче, чем собирался, и, когда он убегает, достаю один из телефонов, чтобы сделать фотографии, с трудом контролируя дрожь в руках. Начинаю обращать внимание на неприятный запах в номере, смешивающийся с запахом крови. Я не могу его определить: он висит в воздухе подобно болотному газу, отравленный и гнилой, но для запаха смерти еще слишком рано.

«Держись! – говорю я себе. – Продолжай выполнять свою работу». Затем вдруг вспоминаю Служивого. Я не могу вспомнить, знаю ли Норриса или Райана, однако мои воспоминания о моем первом трупе остры, как иголки, как если б я смотрел видео. Служивым его прозвал Алан Чивер; настоящего его имени я не могу вспомнить. Сорокалетний бывший солдат, который повесился у себя дома на турнике, прикрученном к потолку в спальне; обнаружили его только через три дня. Я тогда был молодым честолюбивым констеблем, проходящим испытательный срок. Чивер, умудренный опытом полицейский из Белфаста, учил меня уму-разуму. «Запах смерти прилипает к коже, – сказал он позже, когда труп укатали. – Сколько ни мойся, он остается». Чивер был прав. Впоследствии я узнал, что единственный способ избавиться от аромата разложившейся человеческой плоти – это натереться лимонным соком.

Однако избавиться от этого ощущения нельзя никогда – вот этот человек был жив не так давно, быть может, всего несколько минут назад, быть может, несколько часов или дней. Но у него была жизнь. У него в кармане ключи от двери, которую он больше никогда не отперет. Он знал людей, с которыми больше никогда не встретится.

«В любом случае, – говорю я себе, – этот запах другой». Я почувствовал его еще внизу – это как-то связано с гостиницей. Сначала он кажется сладковатым ароматом, но в глубине его есть что-то менее приятное, тошнотворное, что нельзя скрыть свежей краской.

Я подхожу к мертвой женщине ближе, чтобы сфотографировать ее крупным планом. Но эти глаза... Я заставляю себя сосредоточиться. Что я вижу? Это не работа профессионала, а убийство, совершенное в порыве неистовства. Убийца разрядил в жертву всю обойму. Я слышу, как вернулся Райан.

– Ничего, сэр, – говорит он, остановившись в дверях. – Похоже, номером наверху не пользовались.

- Спасибо, Райан.

Наклоняюсь и прикасаюсь к женщине. Кожа уже остывает, пульса, естественно, нет. Перевожу взгляд на пол. Слишком быстро – я едва не теряю равновесие и слышу шум крови в висках. В самый последний момент успеваю удержаться на ногах. По шее разливается острая боль.

– Сэр? – Голос у Райана снова обеспокоенный. Я знаю, что провел здесь слишком много времени. Нужно оставить все криминалистам.

– Уже иду, – говорю я, но не трогаюсь с места.

Протянув руку, аккуратно приподнимаю верхний край сумки. Внутри еще косметика и бумажник. Я извлекаю его пальцами в перчатке. Осторожно, словно выкручивая взрыватель из мины, прищуриваясь, чтобы сфокусировать взгляд, следя за тем, чтобы больше ничего не потревожить, открываю его и нахожу внутри три пятифунтовые бумажки и кредитную карточку на имя Эми Мэттьюс. Также в бумажнике удостоверение сотрудника Центральной больницы Кэмдена, расположенной в противоположном конце района, шнурок аккуратно обмотан вокруг него.

– Эми Мэттьюс, – произношу я вслух.

Кто такая медсестра Мэттьюс и что она делала здесь, в гостинице рядом с Кингс-Кросс? Я оглядываюсь вокруг.

– Сотовый телефон? – спрашиваю. Констебль молчит. – Ты находил телефон?

Райан что-то невнятно бормочет. В пронизательности ему не откажешь, и он заметил гораздо больше, чем обычный полицейский, но всему есть свои пределы. Боже упаси, если ему захочется перейти в криминальную полицию...

– Ты знаешь хоть одну молодую женщину, у которой нет сотового телефона?

Есть сотня разных мест, где он может быть, но мне лучше их не обыскивать.

– Сэр!

Я слышу, как Райан снова кликает меня – более настойчиво.

Я старался удержаться на ногах, однако на этот раз чувство равновесия окончательно покинуло меня. Чтобы не упасть, я попытался ухватиться за хлипкий ночной столик, но тот, похоже, свалился. Я стою на четвереньках перед трупом медсестры Мэттьюс, в неприличной близости к ее ногам, ощущая запах ее крови и духов вместе с запахом гостиницы.

– Сэр? – Теперь это Норрис. Он вернулся и протискивается мимо Райана, чтобы добраться ко мне.

– Не подходи! – кричу я, но голос мой заплетается, больше не повинуюсь мне. – Со мной всё в порядке. Не приближайся к месту преступления. Все будет нормально.

Норрис склоняется надо мной. Я отмахиваюсь, прогоняя его.

– Уходи отсюда! Ты уничтожаешь улики...

– Все хорошо, сэр, – говорит он. – Все хорошо.

И я чувствую, как он поднимает меня на ноги.

* * *

Перед гостиницей беспорядочная толпа. Синих мигалок в кружащих хлопьях значительно больше. Приехала группа осмотра места преступления, которая хочет, чтобы об этом знали все. Норрис бережно проводил меня вниз. Но он предоставляет мне самостоятельно проковылять последние несколько шагов, позволяя сохранить хоть немного достоинства. Я признателен ему за это, но злуюсь на себя за то, что упал.

«Это все дурацкое чувство долга, – убеждаю себя я. – И Норрис». Если б он не объяснил мне, что я – единственный следователь, остающийся на ногах, я бы даже не очутился здесь, сказавшись больным и предоставив эту работу кому-нибудь другому. А теперь все кончится плохо. Теперь Норрису придется доложить о случившемся, доложить о том, что я упал, а ему

пришлось пройти на место преступления, чтобы поднять меня на ноги. Единственный выход – попросить его ничего не говорить и убедить Райана, который, разумеется, также видел все это непотребство.

Полицейские стоят и ждут распоряжений. Позади них в темноте с трудом различимы другие лица – обычная толпа зевак. Синие мигалки привлекают любопытных, словно это телешоу, которое показывают специально для них. Это наводит меня на новую мысль, но прежде чем я успеваю за нее ухватиться, меня вызывают в машину криминалистов, доложить ситуацию. Щурясь в ярком свете фар, стараясь изобразить хоть какое-либо подобие профессионального спокойствия, я говорю по минимуму, после чего с облегчением указываю своим сменщикам на гостиницу.

Наконец из полицейских остается один только Норрис. Он отводит меня в сторону со сосредоточенной деловитостью, устоять перед которой невозможно. Я принимаю решение, что не стану его умолять, и тут вспоминаю, *что* хотел сказать ему. Хватаю его за руку, но этот жест кажется чересчур отчаянным, поэтому я отпускаю его.

– Фотографии, – говорю. – Снимки зевак.

Это стандартная процедура. Как знать, кто мог прийти позлорадствовать к месту преступления... Но Норрис меня не слушает. Похоже, его больше беспокоит мое состояние.

– Хорошо, сейчас я отвезу вас в больницу, – говорит он.

– Не забудь про фотографии, – повторяю я.

– Разумеется, сэр. Как только вы сядете в машину.

И он распахивает дверь патрульной машины.

Глава 7

Воспоминание: я сижу в приемном отделении больницы, мой отец заполняет своей тушей серый пластиковый стул рядом со мной, в отделении почти никого нет. Этот неприятный, резкий, медицинский запах вместе с чем-то терпким и неопределенным. Я сломал руку – левую руку, – и отец разбирает то, что со мной произошло.

– Выкладывай все четко, – говорит он. – И по порядку. Чтобы врач услышал только существенные факты.

Отец словно по-прежнему на работе, и тут он хорош. Устраняет неопределенности. Я им восхищаюсь. Сколько мне лет, семь? Восемь? Левая рука болит адски. Мне почему-то стыдно.

Я помню, как отец приносит мне газировку из торгового автомата. Протягивает банку, и я осторожно беру ее здоровой рукой.

* * *

Насколько мне помнится, сейчас я не боюсь больниц. Обычно. Однако сегодня я в ужасе от того, *что* могу узнать. Провал в моей памяти подобен здоровенной дыре в полу, и я по большей части обхожу ее и порой даже забываю о ней, затем внезапно снова вижу дыру, прямо перед тем, как в нее провалиться. И в глубине души у меня теплится мысль, что, если я только найду способ уйти, никому ничего не сказав, дыра исчезнет сама собой.

На протяжении целого часа я смотрел, как приемное отделение заполнялось ходячими ранеными, прижимающими к груди поврежденные конечности. А Норрис коротал время, отпуская плоские шуточки, качая головой и извлекая высококалорийные батончики из торгового автомата в дальнем конце приемного отделения.

Я звоню домой. Я уже пробовал, и, как и прежде, долго звучат гудки, затем включается автоответчик и мой собственный голос сообщает мне, что нас нет дома. Если я скажу, что сижу в больнице, Лора бросится сюда со всех ног, как только это услышит, но я убеждаю себя в том, что не хочу ее волновать. Сказать по правде, я почему-то верю, что, пока ничего не сообщил своей жене, это происходит не на самом деле. Так что сейчас я оставляю сбивчивое послание о том, что застрял с делами, и заканчиваю словами, что я по ней соскучился. Я не повышаю голос в приглушенном гомоне приемного покоя.

Может ли Лора работать сейчас, когда времени уже полночь? Как и я, она лишилась матери еще в детстве, а отец, насколько я понимаю, воспитывал ее без каких-либо поблажек. Для него даже сон был не удовольствием, а тягостной необходимостью. И я не произвел на него особого впечатления, когда познакомился с ним за неделю до нашей свадьбы, которую мы устроили в тихой маленькой церквушке по соседству. Он был одним из первых чернокожих окружных судей и, я уверен, надеялся, что его дочь заслуживает большего, чем молодой белый полицейский, только что закончивший обучение. Когда Лора привела меня в гости, он смотрел на меня с опаской, словно я собираюсь стащить одну из сатирических гравюр, посвященных французским судьям, висящих на стенах, но все же радушно пожал мне руку и пустился в пространный рассказ о своем недавнем деле с участием детектива-сержанта, который убедил свою жену сказать, будто за рулем была она, когда его в четыре утра, свободного от службы, зафиксировала дорожная камера мчащимся за девяносто миль в час по шоссе М-6.

Я пообещал никогда не просить Лору получать вместо меня штраф за превышение скорости, и он впервые рассмеялся, заявив, что у него и в мыслях ничего подобного не было, когда он рассказывал эту историю. Отец Лоры начал постепенно оттаивать, когда мы сидели за обеденным столом в дорогой квартире в Уолтон-он-Темз, наслаждаясь скромным, но очень

вкусным ужином (который приготовил он сам). У меня хватило ума похвалить тушеное мясо, и к тому времени как он подал тирамису, также домашнего приготовления, мы уже были на пути к тому, чтобы стать друзьями.

Сказать по правде, угодить мне легко. Я сказал ему, что люблю свою будущую жену, а она любит меня, а до тех пор, пока преступники крадут, убивают и торгуют наркотиками, я без работы не останусь – подобно коту, не сомневающемуся в том, что всегда будут мыши, которых нужно будет ловить. О продвижении я особо не думал. Для того чтобы высоко подняться в Службе столичной полиции, нужно располагать обширными связями – полагаю, то же самое относится и к судьям, а в отношении адвокатов, как Лора, это определено верно, – но у меня с этим всегда были проблемы. Нет, я просто выполняю свою работу. Конечно, это означает, что бывать дома приходится реже, чем хотелось бы. Если честно, сейчас мне очень хотелось бы вернуться домой.

Затем я снова пытаюсь позвонить Джерри, своему начальнику. Мне настоятельно нужно дозвониться до него до того, как он услышит от кого-то другого о том, что произошло на месте преступления. Но после девяти гудков и этот звонок также переключается на голосовую почту. Тогда я набираю его домашний номер, и тут мне отвечают после третьего гудка. Изабель... Наконец-то, к своему облегчению, я говорю с тем, кого помню.

– Привет, Иззи, – говорю я. – Как дела?

– Росс?

Я знаю и люблю жену Джерри практически столько же, сколько он сам. Наверное, мне было лет десять, когда он впервые привел ее к нам домой – свою последнюю подругу, которую должен был одобрить мой отец, его тогдашний начальник. Изабель была на пять лет его моложе, ей было двадцать один год, что само по себе казалось мне преклонным возрастом, но она блистала остроумием и шутила со мной, как со взрослым. Она сразу же завоевала мое сердце, и мы друзья с тех самых пор.

Сейчас Изабель говорит мне, что Джерри на работе. Голос ее кажется мне слегка раздраженным, что меня удивляет.

– Как девочки? – спрашиваю я, в первую очередь для того, чтобы продлить общение с миром, который мне знаком. Но, похоже, я отрываю Иззи от какой-то телепередачи, которую ей хочется посмотреть. Я мысленно представляю ее, сидящую на диване в гостиной, в тепле своего просторного, уютного дома, подобравшую под себя ноги, с бокалом вина на кофейном столике. Я ей завидую.

– Ладно, не буду тебе мешать, – говорю, – смотри своей телевизор. По нему сейчас показывают по большей части один мусор. Так что нужно ловить хорошие передачи, когда есть такая возможность.

Изабель что-то ворчит – опять эта непривычная резкость, – но, прежде чем она успевает положить трубку, я добавляю:

– Надеюсь, тебе понравилась эта пирушка – о работе почти не говорили.

В трубке молчание. Разумеется, я знаю, что скажет Изабель, еще до того, как она это говорит.

– Какая пирушка?

Я хочу сказать: пирушка, которую мы устроили сегодня у нас дома, мы с Лорой, это последнее, что я помню. На которой Джерри размахивал бокалом с вином, страстно рассуждая о недостаточном финансировании полиции. На которой Изабель сидела на балконе рядом с ним, весело расправляясь с шестым дайкири, а кто-то уронил бокал с вином, и я до сих пор слышу этот звук и чувствую этот запах. Но у меня появляется неприятное предчувствие, и я этого не делаю. Я иду на попятную, говоря, что спутал с недавней вечеринкой, о которой упоминал Джерри. Похоже, Изабель мои слова не убедили.

– Лора тебе часом не говорила, где она будет сегодня вечером? – спрашиваю я перед тем, как завершить разговор. – Я никак не могу ей дозвониться.

– Она дома, Росс, – говорит Изабель. – Я только что с ней говорила.

Снова звоню на домашний – и снова попадаю на автоответчик. Но прежде чем я успеваю позвонить в третий раз, медбрат называет мою фамилию. Ну вот, наконец...

Пока ждал, я видел, как пациенты заходили в приемную и кто-то выходил из нее, а другие – нет, и, зайдя в нее, я понимаю, в чем дело – это не комната, а коридор с дверью в противоположном конце. Хитро придумано. Медбрат усаживает меня в пластиковое кресло, садится за стол и осматривает рану у меня на шее. Это коренастый уроженец Ямайки в бледно-голубой блузе, с непривычным выражением энтузиазма на лице.

– Итак, как это случилось?

Стараясь сохранить внешнее спокойствие, я задумываюсь над ответом.

– Мистер Блэкли, – продолжает медбрат, с дружелюбной улыбкой изучая экран компьютера, – мистер детектив-инспектор, вы допрашиваете людей. Вы знаете, сэр, как это происходит. Я задаю вопрос, вы отвечаете. Так работает наш мир.

– Мне нужно время, чтобы во всем разобраться, – отвечаю я.

– Разобраться в чем? Вам нужно разобраться в том, что с вами случилось?

– Я не могу вспомнить, как это произошло.

Он искоса смотрит на меня.

– Вы потеряли сознание?

– Этого я также не помню.

Медбрат равнодушно стучит по клавиатуре. Тем не менее теперь, после того как высказался, я ощущаю облегчение. Медбрат спрашивает, помню ли я сегодняшнее число. Я говорю: «Февраль 2010 года», и жду, что он назовет меня сумасшедшим, но медбрат лишь делает какую-то запись и спрашивает, когда я в последний раз обращался к врачу. Я искренне отвечаю, что болею редко. На моей памяти, последний раз в больнице я лежал в детстве.

Медбрат изучает порезы, протирает их ватой, и я чувствую жжение от медицинского спирта.

– Я слышал, на улице снег, – говорит он. – Он еще идет?

– Да.

– Ну вот. Придя на работу, я больше не имею возможности выглянуть на улицу. Черт, три года не было снега, и вот сейчас я здесь и не могу на него посмотреть... Снегопад сильный?

Он печатает какое-то секретное послание. Тук-тук, тук-тук на клавиатуре кодом Морзе. Тире, тире, тире, точка, точка, точка, тире, тире, тире. Что он там пишет про меня?

Медбрат осторожно ощупывает мне ребра и спрашивает, где больно. Мои ребра? Кому какое дело до моих ребер? Он переворачивает мои руки ладонями вверх и видит кровь, которую мне не удалось до конца оттереть.

– Кто я? – наконец спрашивает он.

– Вы – медбрат в приемном отделении. – Я торжествую, ответив правильно.

– А где мы находимся? Вы помните название больницы?

Я его помнил. Помнил всего несколько минут назад, ясно как никогда, но, к моему ужасу, оно выскользнуло у меня из памяти. И провалилось в болото у меня в сознании. Я решаю рискнуть и наугад называю одну из самых больших больниц в районе. Я прав? Медбрат никак не комментирует мой ответ. Вместо этого он достает из ящика ватный тампон и протирает рану у меня за левым ухом. Какое же это облегчение – когда тобой наконец занимаются... Медбрат встает и достает с полки бланк.

– У вас здесь есть знакомые? Родственники? Коллеги по работе?

– А что?

– Так, сэр, сохраняйте спокойствие. Вам нужна помощь. Люди, которые о вас позаботятся.

– Я совершенно спокоен. Просто не хочу никого вмешивать. Скажите мне, что не так?

– Вам нужно подождать и показаться врачу. Возможно, он захочет сделать томограмму, а может быть, и нет. – Он что-то царапает в бланке, склонив голову над столом, словно нищенствующий монах.

– И долго это займет?

– Есть определенный порядок, сэр.

– Какая бы ни была проблема, скажите сейчас. Дайте мне какую-нибудь таблетку или что там еще. Покончим с этим поскорее.

Медбрат пожимает плечами.

– Всем приходится ждать.

Он вырывает три копии, белую, розовую и синюю, и кладет их в разные папки.

– И мне нужно расследовать убийство. – Это не совсем так, но я устал и не выдержу еще полтора часа ожидания в приемном отделении.

– Вы расследуете убийство и у вас провалы в памяти?

– Убита медсестра. Ваша коллега.

Медбрат смотрит на меня.

– Ждите здесь, – говорит он и выходит.

Я остаюсь в кабинете.

Через какое-то время медбрат возвращается. Он подводит меня к кабинке, просит подождать и наполовину задергивает зеленую пластиковую занавеску. В кабинке стул и каталка с матрасом. Я сажусь на каталку и жду, убеждая себя сохранять спокойствие.

Глава 8

Вообще-то мне становится лучше. Я в этом уверен. Здорово я себя напугал, да? Но все это позади. Я помню многое – а со временем вспомню и остальное. Даже головная боль потихоньку проходит.

Я сижу здесь и сквозь щель в занавесках вижу ряды одинаковых кабинок, похожих на душевые кабинки или исповедальни. Сам я англиканин, но меня всегда грела мысль католических исповедей. Кто-то снимает с тебя все твои грехи и снова делает тебя благочестивым человеком, и всё за несколько простеньких наказаний...

Через несколько минут я снова пытаюсь позвонить Лоре – и снова попадаю на автоответчик. Я уже собираюсь оставить ей еще одно сообщение, но тут звонит мой рабочий телефон. Это Джерри.

– Здорово тебе досталось, дружище, – говорит он. Как же хорошо его услышать, хотя его прокуренный голос звучит устало. – Норрис доложил, что вид у тебя был дерьмовый. Половина участка считает, что ты напился или разбил свою машину. Или и то и другое сразу.

Пусть Джерри Гарднер мой начальник, но он также и мой наставник. Он стал протезе Пола, как только окончил полицейский колледж, а отец мой тогда был детективом-сержантом. Сколько я себя помню, Джерри приходил к нам домой, чтобы посмотреть футбол или просто поговорить. Он спрашивал мое мнение по всем вопросам, от женщин до политики и юриспруденции, а я отвечал на его вопросы со всей серьезностью, не имевшей под собой абсолютно никаких оснований. Впоследствии именно Джерри посоветовал Полу заткнуться, когда тот попытался отговорить меня от работы в полиции. Это тот человек, который меня всегда прикроет.

– Со мной всё в порядке, – отвечаю я, счищая грязь с рукава. – Никаких проблем. – Пусть я полностью ему доверяю, но не собираюсь признаваться своему начальнику в том, что у меня проблемы с памятью. Услышав на заднем плане смех, меняю тему: – Ты в пивной?

– Я на работе. А ты не ответил на мой вопрос.

На самом деле это был не столько вопрос, сколько пересказ сплетен в участке, но я все равно отвечаю.

– Нет, я не сидел за рулем и не пил. Трезв, как стеклышко, – говорю я и с облегчением слышу его смешок. – Кстати, Джерри, у Иззи все хорошо? Я звонил ей недавно, после того как не смог связаться с тобой. Мне показалось, она была на взводе.

– У Иззи всё в порядке. – Похоже, Джерри собирается добавить еще что-то, но вместо этого говорит: – Упасть при осмотре места преступления... Это не лучший карьерный ход, Росс.

– Я ни к чему не притронулся. Ни к чему важному, только задел столик. Я напишу подробный отчет.

– Ты не напишешь ни слова, твою мать, как и все остальные. Я переговорил с Норрисом и Райаном. Этого не было... Впрочем, – с теплом произносит он, – о своем будущем ты можешь не беспокоиться. Люди сказали мне, что в пятницу ты очень мило побеседовал с помощником комиссара.

Значит, похоже, сообщение у меня на телефоне было правдой: я действительно встретился с большим боссом. Это похоже на краткую вспышку света в пугающем мраке. Еще одна крошечная крупица информации. Джерри прикрывает трубку ладонью и говорит кому-то пару слов. Я решаю рискнуть.

– И что еще сказали «люди»?

– Помощнику комиссара Сиддики понравились твои мысли, – усмехнувшись, говорит Джерри. – Отлично сработано. Не знаю уж, что ты там ему сказал, но у тебя получилось.

Начальству нужны умные и честолюбивые энтузиасты, Росс. Скотленд-Ярду отчаянно требуются толковые полицейские, разбирающиеся в политике. А когда ты получишь новое кресло, я буду рад иметь друга в высших сферах.

Очевидно, он рад за меня. Вот только меня тревожит то, что я понятия не имею, о чем говорил с помощником комиссара. Опять у меня такое ощущение, будто меня затягивает в водоворот, из которого мне не спастись. Я ищу, что бы сказать, но Джерри меня опережает:

- И еще одно, Росс.
- Да?
- Постарайся больше не падать.

* * *

Полчаса спустя в занавешенную кабинку заходит врач. Ей лет тридцать с небольшим, она худая и бледная. Склонившись ко мне, устало изучает рану у меня на шее, затем – порезы на лице и руках, после чего поочередно светит маленьким фонариком мне в глаза. Далее следуют вопросы. Пожалуй, эта женщина – самый усталый человек из всех, кого я когда-либо видел; у нее настолько измученный вид, что мне стыдно обременять ее своими бедами. Однако, несмотря на ее утомленность, я проникаюсь к ней теплом. По-моему, она мне сочувствует и хочет сделать так, чтобы мне стало лучше.

Врач спрашивает у меня, что со мной произошло, несчастный случай или драка, и я отвечаю, что не знаю. Она прикасается к моей руке сначала металлической чашкой, затем кружкой с чаем и спрашивает, когда было горячо, а когда холодно. спрашивает, какое сегодня число, как меня зовут, сколько мне лет. Последний вопрос заставляет меня задуматься. Я помню, что мне было двадцать девять лет, но если на дворе 2010 год, мне должен быть тридцать один год. Эта мысль меня шокирует. Я останавливаюсь на тридцати одном и жду, но врач принимает этот ответ без комментариев. Она спрашивает, какие у меня первые воспоминания, какие последние.

– Я помню свою жену, – говорю я, – и несколько минут назад я слышал ее голос на автоответчике. Я помню свою мать – она уже умерла, я очень по ней скорблю, – и отца, который еще жив. Помню имена трех главных героев телесериала «Жители Ист-Энда» и с полным основанием считаю, что они вымышленные. Помню имя принца Уэльского и полагаю, хотя и без веских оснований, что он реальный. Помню пирушку, которая, как мне казалось, была всего несколько часов назад, но выясняется, что это не так. Помню, как обнаружил, что стою в перелуке под снегом...

Аккуратно надевая мне на руку манжету тонометра, врач спрашивает у меня фамилии нашего премьер-министра и президента Соединенных Штатов. Я выясняю, что президент по-прежнему тот же самый, которого я помню, а вот премьер-министр сменился.

Врач задает мне новые вопросы о недавних событиях, и я, чувствуя себя глупо, ловлю себя на том, что не хочу ее подвести. Но шаг за шагом прихожу к заключению, что от правды никуда не деться. Я – путешественник во времени. В 2008 году меня похитили инопланетяне, и один из них, даже сейчас, под видом бесконечно усталой врача государственной больницы проводит надо мной какие-то тесты. Я хочу сказать ей, как сожалею о том, что по моей милости на нее свалилась дополнительная работа.

После осмотра врач говорит, что не видит никаких значительных физических повреждений, и начинает заполнять новый бланк.

- Ну, так что? Я сошел с ума?
 - Нет, вы не сумасшедший. Я дам вам направление к специалисту по проблемам памяти.
 - Направление? А вы не можете сделать что-нибудь прямо сейчас?
- Врач дает мне парацетамол от головной боли.

– Мы снимем томограмму вашего головного мозга, на всякий случай.

– На какой всякий случай? – Это новый неожиданный оборот.

– Скорее всего, это пустяки, – говорит она. – Просто на всякий случай.

«На тот случай», чтобы были основания для увольнения с государственной службы. «На тот случай», если она что-нибудь пропустила. «На тот случай», если у меня был инсульт. «На тот случай», если у меня опухоль головного мозга. «На тот случай», если меня разобьет паралич или я умру.

«На случай» кучи самых разных случаев, о которых мне даже не хочется думать, но теперь, похоже, придется.

Глава 9

Самое первое мое воспоминание: я играю в парке. Мне три года. Вокруг ярко сияют нарциссы, прохладный ветерок шевелит только что распутившейся листвой. Моя мать сидит на скамье. Отец стоит рядом с ней, облизывая мороженое в стаканчике. Я щедро поделился остатками своего собственного мороженого поменьше с матерью; та вытерла мне рот, застегнула молнию свитера и взъерошила волосы, после чего проводила взглядом, как я побежал по лужайке.

Рядом была собака, обнюхивала стволы деревьев. По всей видимости, это была чужая собака. Моя мать любила собак, но Пол их терпеть не мог; он ни за что не потерпел бы собаку в доме. Я влюбился в нее с первого взгляда. Это была черно-белая дворняжка с длинными отвислыми ушами. Мне захотелось побегать за ней, подружиться с ней, а затем привести ее к нам домой для мамы. Собака залаяла и убежала прочь. Я побежал за ней по лужайке, как мог быстро. Через какое-то время собаке надоело бегать, и она остановилась у розового куста перед входом в парк, стараясь отдышаться. Я начал осторожно приближаться к ней, протянув руку в знак дружбы.

Но тут отец заметил, как далеко все зашло, и побежал ко мне. Он громко кричал, не знаю почему. Он кричал на собаку, прогоняя ее. Яростно кричал на меня, требуя не подходить к ней. Но я не хотел его слушаться. Собака полюбила меня, я это чувствовал. Она хотела, чтобы я погладил ее по морде.

Лицо Пола залилось краской. Мама не поспевала за ним. Она просила, чтобы он успокоился, но Пол только крикнул на нее, и мама застыла как вкопанная посреди лужайки, словно он ее ударил. Подобрал с земли сухую ветку, отец замахнулся на собаку.

Быть может, собака слишком разгорячилась, а может быть, ее напугал шум. Или, быть может, Пол с самого начала был прав. Она развернулась и посмотрела на меня. Обнюхала мою протянутую руку. После чего вонзила в нее зубы.

Это я помню.

* * *

Прижимая к груди картонную папку со своими документами, я следую по красной линии, петляющей по первому этажу подобно волшебной тропе, ведущей через заколдованный лес, которая, хочется верить, приведет к правде. Как и во всяком приличном заколдованном лесу, меня сопровождает Гоблин, которого зовут Фрэнсис. Это грузный санитар лет пятидесяти, он тоже хромает, и у него кривая, но приятная улыбка. Мы с ним быстро поладили, обменявшись парой плоских шуток.

По пути встречаем других ночных существ. Еще один санитар катит накрытую простыней каталку. Возбужденный молодой парень в зимней куртке обгоняет нас и скрывается вдалеке, оставив после себя терпкий запах лосьона после бритья и пота. В коридорах снова воцаряется тишина. Здесь большинство кабинетов ночью не используется, и есть что-то смутно гнетущее в веренице запертых дверей. Наконец мы оказываемся в холле без окон с несколькими стульями в ряд. Фрэнсис забирает у меня папку и благоговейно протягивает ее в окошко миниатюрной индианке, взгромоздившейся перед компьютером.

Та уходит вместе с папкой. Фрэнсис достает пачку сигарет, смотрит на часы, откашливается и говорит, что меня пригласят на томографию не раньше чем через полчаса. Я улыбаюсь и заверяю его, что прекрасно справлюсь и один, если у него есть какие-либо срочные дела. Такие дела у него есть.

После ухода Фрэнсиса я отправляюсь на разведку к ближайшему углу. Снова улавливаю аромат лосьона после бритья и пота, но коридор за поворотом пуст. Лишь та же самая бесконечная вереница вечно горящих ламп дневного света. Таблетка, которую дала мне врач, начинает действовать. Голова и шея болят меньше, но я чувствую, как затормаживаюсь, теряю сосредоточенность. Возвращаюсь на свой стул и беру журнал. Гламурные люди с обложки не имеют для меня никакого смысла. Заголовки плавают перед глазами подобно посланиям с другой планеты.

К моему удивлению, не проходит и десяти минут, как меня вызывают на томографию, а Фрэнсис еще не вернулся со своей срочной сигареты. Два вялых рентгенолога раздевают меня и скармливают металлической трубе. Внутри тесно, и я не могу пошевелить руками. Мне говорят расслабиться, и я лежу, ослепленный, заточенный в темницу, а машина стонет, посылая лучи в глубь моего мозга. Я думаю о том, что не смогу отсюда выбраться, если что-нибудь случится – пожар, отключение электричества.

Через двадцать минут всего этого адские стоны заканчиваются, и меня извлекают на свободу. Я дышу глубоко, радуясь тому, что снова оказался на свободе, а один из рентгенологов говорит, чтобы я вернулся в приемное отделение и ожидал результатов. Выхожу в холл, но там никого нет. Слабый запах табачного дыма указывает на то, что Фрэнсис вернулся, пока меня сканировали, после чего вспомнил о еще одном неотложном деле, связанном с табаком.

Зевнув, я решаю, что уже достаточно большой мальчик и смогу самостоятельно выбраться на поверхность. А пока посещаю туалет, расположенный прямо напротив. Он обозначен как только для инвалидов, но я ощущаю себя сейчас абсолютно немощным.

Не задумываясь, оборачиваюсь, чтобы запереть дверь. Но она распаивается настежь. Прямо мне в лицо. На какое-то мгновение я оглушен. Толкаю дверь, но она снова бьет меня, отбрасывая на раковину, больно втыкающуюся мне в спину.

И тут я его вижу – молодого парня, обогнавшего нас в коридоре. Запах сильный – лосьон после бритья и пот. Парень закрывает ногой дверь и с силой втыкает кулак мне в живот. Я сгибаюсь пополам от боли. Он бьет меня по затылку. Я падаю на колени, пытаюсь защититься руками. Но парень ударяет мне ботинком между глаз. Он кричит что-то невнятное и снова бьет меня по затылку. Я падаю, треснувшись лбом о серый пластиковый пол.

Град ударов прерывается, и я переворачиваюсь. Парень сидит на корточках рядом со мной, с красным лицом, и в руке у него появляется нож. Маленький и грязный.

– Полиция! – воплю я. – Я из полиции! Я сотрудник полиции!

Парень словно меня не слышит. Он ударяет мне в горло. Я откатываюсь вправо и врезаюсь в унитаз. Нож обдирает мне висок и втыкается в пол. Я хватаю парня за запястье, и лезвие режет мне пальцы. Парень выдергивает нож и ругается по-английски и на незнакомом мне языке.

– Прекрати! – кричу я.

Тогда парень называет мое имя, произнося его снова и снова с сильным восточноевропейским акцентом.

– Росс Блэкли! – кричит он. – Росс Блэкли! Росс Блэкли!

Потрясенный, я колеблюсь мгновение, и это промедление едва не убивает меня, так как нож, подобно змеиному языку, выстреливает мне в глаз. Я выворачиваюсь влево, и лезвие режет мне щеку. Отталкиваю парня – он оказывается на удивление легким – и ползу к красному шнуру экстренного вызова. В голове у меня по-прежнему туман, каждое движение требует усилий. Но прежде чем я успеваю добраться до шнура, парень с силой швыряет меня в стену и дико выкрикивает смесь слов, лишённых смысла. Нож возвращается, неудержимый, слепой, жаждущий моей крови.

Теперь мне уже страшно всерьез – я забываю про подготовку и принимаюсь судорожно размахивать кулаками. И на какое-то мгновение парень теряется. Этого мне достаточно для

того, чтобы лягнуть его в промежность, отбрасывая назад. Я распахиваю дверь, пытаюсь ударить ею своего противника. Я больше не полицейский, и даже не человек; я зверь, отчаянно сражающийся за свою жизнь.

Парень захлопывает дверь. Но тотчас же она с грохотом распахивается, налетая на него.

За дверью кто-то есть. Фрэнсис. Гоблин. Он открывает дверь, навалившись на нее своим мощным плечом. Его сила удивляет меня. Фрэнсис протягивает руку в щель и хватается нападавшего за волосы; тот падает назад на дверной косяк, издавая яростный непередаваемый шум, размахивая ножом, словно сумасшедший, цепляя меня за рукав. На этот раз мне удастся перехватить его руку с ножом и с силой ударить ею по стене. После чего парень вырывается, выскакивает мимо Фрэнсиса в коридор и скрывается из виду.

Фрэнсис бежит следом за ним, быстрее, чем я ожидал от него.

И вот тут до меня наконец доходит. Меня всего трясет. Я сгибаюсь пополам, не в силах пошевелиться, хватаюсь руками за колени, легкие горят, я жадно глотаю воздух. Всепобеждающей пустотой приходит слабость. И страх. В голову и ноги возвращается боль. Я с трудом могу дышать. Молю Бога о том, чтобы этот парень не вернулся и не набросился на меня снова. У меня не осталось больше сил защищаться. Мне жарко и в то же время холодно. Я чувствую себя дилетантом. Жертвой. Как будто мне еще никогда не приходилось драться. Я чувствую себя очень одиноким.

Слышу, как Фрэнсис бегом возвращается ко мне, встревоженно окликая меня по имени. Выпрямляюсь и собираюсь ответить. Затем вспоминаю, что нападавший также выкрикивал мое имя, и понимаю то, что должен был понять еще тогда. Разворачиваюсь и, вместо того чтобы откликнуться, как могу быстро хромаю за угол, к кабинету томографии. Здесь жду, затаившись, прислушиваясь, стараясь успокоить дыхание, а Фрэнсис вбегает в приемное отделение. Он снова окликает меня, и в его голосе звучат недоумение и тревога. Затем я слышу, как он разворачивается и возвращается обратно.

Я жду, когда его шаги затихнут вдали, после чего спешу в противоположном направлении.

* * *

В зале суда стоит полная тишина. Я медлю, обводя взглядом присутствующих. Стоун понимает, что мне нужна пауза, какое-то время, чтобы собраться с мыслями. Он переворачивает страницу в своих записях, затем говорит медленно, негромко:

– Вы подверглись жестокому нападению.

– Да. Но я понятия не имел, кто это был.

– Вы были уверены, что до того момента никогда его не видели?

– Я так думаю. Но, разумеется, моя память...

– Разумеется.

– Очевидно, он знал меня – или, по крайней мере, знал, кто я такой. Что заставило меня задуматься.

И, думая над этим, я пришел к заключению, что нападение не было случайным. Но это означало, что нападавший должен был знать о том, что я там. Вот что я понял, когда услышал, как Фрэнсис окликает меня по имени. А насколько мне было известно, мало кто знал, что я в тот момент нахожусь именно там.

Стоун поднимает взгляд на меня, стоящего за кафедрой для дачи показаний, и спрашивает ровным тоном:

– Кто знал, что вы там?

Глава 10

01.00

Я лежу в лучах теплого летнего солнца на траве в парке неподалеку от того места, где у нас сегодня была пирушка. Лора сидит рядом со мной, держа мою голову на коленях, и что-то тихо говорит, но я ее не слышу. На дворе снова 2008 год, и я испытываю облегчение от того, что я здесь, вместе с любимой женщиной, а не в том кошмаре под снегом. Лора гладит меня по лицу и говорит, как по мне соскучилась. Она очень переживала за меня. Мы целуемся. Я чувствую запах вина из бокала, который, похоже, опрокинул – хотя я этого не помню, – и, посмотрев налево, вижу своего отца, стоящего рядом с Джерри. У меня мелькает смутная мысль: *что* они здесь делают? А по мере того как Лора меня качает, запах вина становится все более едким, больше похожим на антисептик...

Но этот запах исходит от повязки у меня на шее. Я не с Лорой в залитом солнцем парке, а один, в такси, ночью, и движения, которые я чувствую, – это повороты, выписываемые такси на узких улочках северо-запада Лондона.

Я медленно прихожу в себя, но какие-то тревожные странности сна упрямо цепляются за сознание: звуки голоса моей жены, прикосновение ее руки к лицу. Я тру виски, пытаюсь очистить голову.

Вспоминаю, как взял такси на стоянке недалеко от больницы, хотя и не помню, как туда попал. Снова пугающие провалы в памяти – но по крайней мере сейчас я, похоже, потерял всего несколько минут, а не полтора года.

– Путь неблизкий, – сказал водитель, когда я назвал ему адрес. – А я уже собирался закругляться.

– У меня есть открытая виза в Пиннер¹, – говорю я. – Министерство внутренних дел утверждает, что сейчас туда ехать безопасно.

Водитель примерно моего возраста, лет тридцати, с бабушкиными очками в стиле Джона Леннона, которыми он задумчиво постукивал по рулевому колесу.

– Двойной счетчик, – наконец сказал он. Полное отсутствие чувства юмора...

Поворачиваю голову и смотрю назад. К моему облегчению, никто нас не преследует. Я вижу позади только дорогу, следы, оставленные колесами такси, быстро исчезающие под непрекращающимся снегом. Может быть, я переусердствовал? Какой-то человек только что хотел меня убить. Но, что гораздо хуже, он знал, кто я такой. От этой мысли меня бьет холодная дрожь, но зато она помогает мне предельно сосредоточиться. Парень с ножом не был каким-то случайно оказавшимся в больнице пациентом, сбежавшим из психиатрической клиники. Это означает, что на меня охотились. Но как он меня нашел? О том, что я нахожусь в больнице, знали только медицинские работники и мои коллеги из полиции.

С усилием сажусь прямее. Моя правая рука онемела, словно я отлежал ее во сне, а на телефоне три пропущенных звонка от Джерри Гарднера.

Приходит текстовое сообщение от Джерри: «Слышал, на тебя напали. Ты где, твою мать? Что происходит?» Я сам хотел бы это знать, и я хотел бы знать, кому могу доверять. Долго смотрю на сообщение, затем стираю его. После чего, в целях безопасности, отключаю оба телефона. Это выглядит до глупости мелодраматично, но я не знаю, как мне быть. Раньше мне и в голову не приходило, что кто-то может желать моей смерти. Я имел дело с бандитами, стремившимися раскроить мне голову, и вдоволь наслушался угроз, но с серьезным хладнокровным убийцей мне еще не приходилось сталкиваться. Печка в такси работает на полную, но эта мысль все равно вызывает у меня холодный озноб.

¹ Пиннер – район на северо-западе Большого Лондона. – Здесь и далее прим. пер.

Я смотрю на свое отражение в боковом стекле, которое появляется и исчезает вместе с мелькающими огнями на улице, затем надолго застывает, когда такси движется мимо темноты неосвещенного парка рядом с нашим домом. Я осунулся и выгляжу старше по сравнению с таким, каким себя помню; стал похудевшим, небритым, с запавшими глазами. Над правым глазом появилась новая рана, похожая на красную галочку или поднятую бровь. Левая рука также кровоточит, поэтому я обматываю ее носовым платком.

– Направо или налево? – спрашивает таксист, сбрасывая скорость перед нашей улицей, теперь любезный, после того как он заехал в самый темный уголок Пиннера и остался жив. Я подаю вперед и указываю ему дорогу.

Я соскучился по своей жене и гадаю, когда видел ее в последний раз. Кажется, прошло всего несколько часов с тех пор, как я видел ее раздающей тарелки с хлопьями и обменивающейся профессиональными сплетнями с коллегами по работе. Но что произошло с тех пор? Неужели я также потерял восемнадцать месяцев совместных воспоминаний, забот, споров, шуток?

– Какой номер? – Водитель смотрит на меня в зеркало заднего вида.

– Третий фонарь справа, – говорю я.

Он оборачивается и удивленно смотрит на меня.

– Вы здесь с кем-то встречаетесь?

– А вам какое дело?

Водитель пожимает плечами и, остановившись, открывает дверь. Я сую ему в руку деньги и выхожу из машины.

Не обращая внимания на ударивший мне в лицо снег, пытаюсь понять, *что* вижу. Конец улицы исчез. Цепочка домов закончилась в пятидесяти метрах позади нас. Там, где должна была быть входная дверь нашего дома, – большая стройка, окруженная зеленым дощатым забором с воротами из стальной сетки.

Я слышу, как такси разворачивается у меня за спиной, и кричу, перекрывая шум ветра. Водитель тормозит.

– Что происходит?

Он водружает на нос бабушкины очки со снисходительной уверенностью всех таксистов.

– Это улица, которую вы просили, – произносит он. Снова трогается, и я снова кричу ему остановиться.

– Адрес правильный, – отвечаю, чувствуя нарастающий страх. – Я точно знаю. Я здесь живу.

– Субботний вечер, – говорит таксист, не обращаясь ни к кому конкретно. – Вечно одно и то же...

Я оглядываюсь назад и проверяю: да, это моя улица. Вон там, под грудой битого кирпича, был сад, где мы пировали под летним солнцем, что, как мне кажется до сих пор, было всего несколько часов назад, хотя я уже начинаю потихоньку признавать, что на самом деле с тех пор прошло уже полтора года. Справа от меня должен быть дом номер 7 – где, через два дня после того как мы сюда переехали, владелец ночью сидел голый на крыше, накачавшийся наркотиками до одури, до тех пор, пока я не уговорил его спуститься вниз. Слева был дом номер 11 – где мы раз в полгода, в целях поддержания добрососедских отношений, ужинали вместе с Кейти и Стивом, глядя на то, как Кейти становится все пьянее, а Стив – все озабоченнее.

Но теперь ничего. Ни домов, ни садов. Лишь недостроенные стены, строительные бытовки и груды мусора, медленно становящиеся белыми под хлопьями падающего снега.

Глава 11

Я залезаю обратно в такси, стараясь не поддаваться панике. В тот самый момент, когда я уже считал, что оказался дома и в безопасности, кошмар снова вернулся. Открываю в телефоне адресную книгу и набираю «Дом», но теперь смотрю на номер и с ужасом понимаю, что это вовсе не мой телефон. Где дом? Где Лора?

– Ты только не блевани у меня в машине, – бросает через плечо водитель, снова включая счетчик.

– Я не пьяный! – кричу я в ответ.

– Ну конечно. – Он самодовольно принимается хрустеть пальцами. – Твой дом украли? Ты хочешь, чтобы я вызвал полицию?

– Офигеть как смешно... А ты хочешь, чтобы я написал заявление, что ты берешь сверх счетчика?

Это заставляет таксиста умолкнуть. Он закрывает глаза и ждет. Я в отчаянии вытряхиваю на сиденье содержимое своего бумажника. В нем мятая глянцевая фотография Лоры, которую я никогда раньше не видел: она сидит, закинув ногу на ногу на палубе круизного лайнера, смущенно улыбаясь в фотоаппарат. Это путешествие я также забыл? Я в ужасе, оттого что мой мозг вышел из-под контроля. А вот мои водительские права. Но тут что-то не так. Адрес на них не тот, который я знаю. Это в Стэнморе. Я стучу по стеклянной перегородке и показываю права водителю.

– Знаете, как туда доехать?

– Твою мать! – восклицает он и качает головой, снова включая передачу.

Мне нужен свежий воздух. Опустив стекло, я откидываюсь назад и перебираю, что еще помню. Это словно дневник с вырванными страницами или рана, которая то заживает, то снова открывается. Я приказываю себе успокоиться. Все это скоро будет разрешено, если я разберусь, что к чему.

Закрываю глаза и стараюсь вернуться назад. Что было сегодня – нет ничего. Как я уходил из дома, прощался с женой – по-прежнему пустота. Я нахожу лишь непроницаемый мрак, похожий на туман ночью – стирающий все в моей жизни за последние полтора года. Я в ужасе. Что еще я потерял?

* * *

Уже четверть третьего ночи, когда такси высаживает меня в темноту перед одиноко стоящим домом в Стэнморе – квадратным и без изысков. Снег идет не переставая, покрывая аккуратный садик перед крыльцом. Это адрес с моих прав. Я плачу водителю сверх счетчика и вылезая из машины. Уже собираюсь попросить его подождать на тот случай, если и это ошибка, но прежде чем успеваю заговорить, он разворачивается и уносится прочь.

Ступая осторожно, я прохожу по дорожке, достаю незнакомые ключи, которые до того нашел в куртке, и пробую вставить один в замок. Он легко входит в скважину. Я не знаю – то ли испытать облегчение, то ли прийти в ужас. За входной дверью нахожу погруженный в полумрак коридор, дорогой паркетный пол, сияющий в ночных отсветах, запах сосновой мастики, нарциссы в вазе на низком столике – и не узнаю ничего из этого. Закрываю за собой дверь – ожидая, что какой-нибудь незнакомец выйдет ко мне и спросит, с какой стати я проник в его дом.

Прямо передо мной лестница. Две двери слева закрыты. В открытую дверь справа я различаю гостиную, модный диван и кофейный столик перед большим телевизором. Рядом со

мною небольшой кабинет. Везде царит безупречный порядок, но в кабинете полный разгром – ящики выдвинуты, бумаги разбросаны по полу.

Наверху скрипит половица – звук тихий, но безошибочный. Я быстро оборачиваюсь. Кто-то наблюдает за мной с лестничной площадки.

– Росс?

– Лора? – говорю я.

Она зажигает свет. Как же хорошо ее видеть...

Лора в халате, контрастирующем с цветом ее кожи. Она свешивается через перила.

– Проклятье! Что с тобой случилось? – Исчезнув на минуту, возвращается и спускается вниз с коробкой лейкопластыря.

– Все в порядке, Лоло.

Лора открывает одну дверь слева – как оказалось, в ванную – и включает воду.

– Я беспокоилась о тебе, – говорит она.

– Извини. Я оставил сообщение на автоответчике.

– И эти сообщения, Росс, они... я даже не знаю. Голос у тебя был какой-то странный. Твою мать, сегодня вечером ты выскочил из дома, не сказав ни слова, и вот вернулся весь в крови...

Опять я вижу перед собой пустоту. Не могу вспомнить того, что сделал. Лора осторожно промывает под струей воды мою левую ладонь, затем пальцы, после чего вытирает их и наклеивает полоски лейкопластыря, суется, торопливо вскрывая упаковки. Порезы адски жгут, но они неглубокие, а прикосновение рук Лоры нежное и ласковое, как в моем сне. Я слежу за ее движениями, ее телом под шелковым халатом, таким знакомым, за легкой неуклюжестью, которую так хорошо знаю. Обнимаю ее, и мне становится хорошо. На какое-то мгновение Лора застывает, но затем отрывается от меня и изучает свою работу.

– Тебе нужно показаться врачу.

– Мне нужно чего-нибудь поесть, – говорю я. – Я не ел с...

Не помню, чтобы я ел. Наверное, когда-то я поел, но это также провалилось в пугающую пустоту. Выхожу в коридор. Одна дверь по-прежнему закрыта. Открыв ее, я оказываюсь в большой кухне, гораздо более просторной и современной, чем в нашем старом доме. На рабочем столе лежит телефон Лоры, рядом компьютер и стопка бумаг, как обычно. В мойке пустая бутылка из-под «Пино нуар». Я подхожу к ближайшему окну, приподнимаю шторы с одной стороны и всматриваюсь в темноту сада за стеклом. Там все неподвижно, кроме падающего снега. Все шкафы на кухне с виду одинаковые, поэтому я открываю один наугад. Внутри – бутылки дорогого вина и крепких напитков.

– Ты проголодался? – спрашивает у меня за спиной Лора. Она открывает холодильник и достает копченую курицу. Я чувствую себя идиотом. Лора украдкой наблюдает за мной, нарезая хлеб.

– Я беспокоилась. Я беспокоилась о тебе, твою мать. Позвонил Джерри Гарднер и сказал, что ты пропал. Он сказал, что ты был в центральной больнице Кэмдена и вдруг куда-то исчез.

Накладывая курицу на хлеб, я спрашиваю, просил ли Джерри перезвонить ему, когда я объявлюсь. Лора кивает.

– Пожалуйста, Лоло, не надо. Я скажу, когда можно будет позвонить.

Лора шумно втягивает воздух, но ничего не говорит.

Я начинаю есть и останавливаюсь.

– У меня отшибло память, – коротко говорю я. Ну вот, я высказал это вслух, и мне стало страшно. Это сделало происходящее со мной реальностью.

– О господи... – Лора неуверенно протягивает ко мне руку, словно я слишком хрупкий и могу рассыпаться от ее прикосновения.

– Я забыл не всё. Помню нас с тобой. Помню свою работу. Но совсем не помню этот дом.

– Что? Но ты же сам вернулся сюда.

– Я нашел адрес на своих правах. Я не помню, что делал сегодня вечером. Что мы делали на прошлой неделе. В прошлом году. Это меня жутко пугает.

– Что ты помнишь?

– Я ничего не помню за последние полтора года. Мы устроили пирушку в честь моего повышения по службе. Мы были в саду... И всё. А дальше уже этот вечер. Я стоял на пустынной улице, не зная, как туда попал. Попытался вернуться домой и приехал на старое место – теперь там стройка...

– Мы переехали полгода назад. Ты этого не помнишь?

– Ничего не помню. Эта кухня? Впервые вижу. Ничего даже смутно знакомого. Это жутко страшно, твою мать. – Я хочу успокоить Лору, но не знаю, как это сделать. Это мне полагается быть сильным, не ей.

– У тебя что-то с головой? Тебя ударили?

– Не думаю. Просто порезы и ссадины. В больнице сделали томографию.

– И?..

Я собираюсь с духом.

– Мне пришлось уйти до того, как я получил результаты.

– Росс!

– У меня были на то причины. – Мой голос звучит увереннее, чем я чувствую себя на самом деле. Доедаю сэндвич и собираюсь приготовить себе еще один.

Лора садится и в ужасе смотрит на меня.

– Ты меня пугаешь, Росс. Ты правда ничего не помнишь?

– Ничегошеньки с той пирушки.

Лора берет телефон.

– Тебе нужно назад в больницу.

– Нет! – Я произношу это слово громче, чем намеревался, и Лора обеспокоенно смотрит на меня, но кладет трубку на телефон. – Пожалуйста, расскажи мне. Помогите мне. Ты сказала, что сегодня вечером я выскочил из дома. Это какая-то бессмыслица. В половине десятого я был на дежурстве, но вечерняя смена начинается в два часа дня и заканчивается в десять вечера, так что я должен был находиться на службе. С какой стати я оказался дома?

– Не знаю, Росс. – Лора не на шутку перепугана, и я стараюсь ее успокоить, говоря, что все будет в порядке.

– Лоло, я не знаю, что со мной случилось, но мне нужно знать, что произошло сегодня вечером.

– Я знаю только то, что ты совершенно неожиданно вернулся домой. Это было в шесть с небольшим. Настроение у тебя было отвратительное, ты зашел к себе в кабинет, погромыхал там и ушел. Когда тебе попадает шлея под хвост, общаться с тобой очень трудно.

Я всегда являю собой образец выдержки и спокойствия. Но пропускаю это замечание мимо ушей.

– И что дальше?

– А дальше не знаю. В следующий раз я получила от тебя какие-то известия, когда пришли эти странные сообщения.

– Но ты не ответила?

– Я была занята, Росс. У меня полно работы. Я готовилась к важной встрече. – Для Лоры это обычное дело. Будучи на взводе, она погружается в практические дела. Именно так она привыкла разбираться со своими чувствами. Возможно, просто прячет их в себе. Но ей это помогает.

Я заканчиваю есть и встаю. С каждой минутой руки и спина болят все сильнее.

– Кроме Джерри, больше никто не звонил?

– Ты хочешь сказать, с твоей работы? – Лора ведет себя со мной как со своим клиентом, заботливая, но логичная, делая по шагу зараз. Снова практичная. Ее неторопливая вдумчивость помогает мне совладать со своими собственными беспорядочными чувствами.

– Кто угодно. Потому что мне нужно знать. Потому что это важно. – Я смотрю ей в лицо. – Расскажи мне всё – каким бы тривиальным это ни казалось.

Лора скрещивает руки на груди.

– После твоего ухода я сегодня вечером оставалась дома одна. «Уговорила» почти целую бутылку нашего самого дорогого вина. Нет, на самом деле целую. Я... я долго говорила с Иззи.

– С Иззи? С женой Джерри?

– Да, с Иззи, женой Джерри. Ты хочешь подробности? Всё, о чем мы говорили?

– Я сам сегодня разговаривал с Иззи. После того как не смог найти Джерри. И мне показалось, что она... на взводе.

Лора долго молча смотрит на меня.

– У нее бывают светлые и темные полосы, Росс. Как у всех нас. Ты постоянно выгляды-ваешь в окно... ты меня пугаешь. Там кто-то есть?

Я снова чуть раздвигаю шторы.

– Нет. Вероятно, нет.

– «Вероятно, нет»? Я должна чего-то опасаться? Твою мать, это сведет меня с ума!

– Мне это тоже действует на нервы. У меня провал в памяти, и это меня жутко пугает. Но ты должна мне помочь, пожалуйста.

В окне проплывает фрагмент ее отражения – сияние тонкого атласного халата, встревоженный взгляд. Я жутко устал. Больше всего на свете мне сейчас хочется лечь в кровать, заняться любовью, после чего заснуть и проснуться с вернувшейся памятью, чтобы можно было больше не думать о том человеке, который желает моей смерти. Я отпускаю занавеску.

– Что дальше? После того как ты поговорила с Изабель?

– Я сделала три звонка по работе – по своей работе. Затем позвонил Джерри... Право, тебе следует поговорить с ним.

– Нет. Сперва я сам должен во всем разобраться.

– Если ты так хочешь...

Внезапно я ощущаю прилив тепла к своей жене. Если я сам не понимаю, что со мной происходит, как, во имя всего святого, это может понять она? Я подхожу к Лоре и обнимаю ее.

Через какое-то мгновение она тоже обвивает меня руками и вздыхает. Я бесконечно люблю эту умную женщину, свою жену. Сказать по правде, я много лет смотрел на то, как рассыпаются браки полицейских, поэтому рад, что у нас с Лорой все так хорошо.

– Со мной все будет в порядке, – говорю я. Меня не покидает ужас, но я стараюсь не показывать этого. – Я по-прежнему помню нас.

– Ты помнишь, как мы с тобой познакомились? – спрашивает Лора. – Помнишь, что я тебе тогда сказала?

Я ничего не отвечаю.

Через какое-то время отпускаю ее и выхожу с кухни. Медленно хромаю вверх по незнакомым полированным ступеням лестницы. Наверху нахожу просторную спальню. Одна половина двуспальной кровати смята, одеяло откинута, и я чувствую аромат Лоры, мускусно-приятный, знакомый среди всей этой пугающей чуждости. Автоматически подхожу к кровати и трогаю простыню – рефлексивная привычка детектива. Простыня все еще теплая. На прикроватном столике радиобудильник, жидкость для снятия лака, книга с закладкой. С другой стороны – предположительно, с моей – только часы.

Выйдя в коридор, я нахожу другую спальню, поменьше, пустую. На кровати лежат раскрытые чемоданы. Мы собирались куда-то поехать вдвоем? И я также должен это помнить?

Лора поднимается наверх следом за мной.

– Это ведь не всё, правда?

Я определяю, где находится ванная, и нахожу в аптечке пачку парацетамола.

– Я чертовски устал, – говорю и, отвернувшись от Лоры, достаю две таблетки и наливаю воду в стакан. Не сказав больше ни слова, жена спускается вниз.

Разумеется, я помню, что она сказала при нашей первой встрече.

Как-то я случайно услышал об одном официальном приеме в Хэмпстеде, на котором мне вроде как было нечего делать. Но мне сказали, что там я встречу нескольких «больших шишек» из Скотленд-Ярда, которые могут обеспечить мое продвижение по службе, и хотя я терпеть не могу подобные мероприятия, я взял напрокат смокинг и попал на прием благодаря содействию одной знакомой, готовившейся занять должность менеджера по согласованию в одном небольшом инвестиционном банке. Однако «большие шишки» на приеме так и не появились. Мы бродили по зданию, ожидая, когда меня выставят вон, и тут я заметил в просторном зале Лору, которая потягивала вино, листая взятую из шкафа книгу. Не столько красивая, сколько классная, пусть слегка нервничающая, в дорогом облегающем платье цвета слоновой кости – как объяснила моя знакомая, подающая надежды юрист с умопомрачительным резюме.

При моем приближении Лора осторожно обернулась, окинула меня взглядом с ног до головы и сказала:

– Только не говорите банальностей. Здесь все говорят банальности.

Удивленный ее агрессивностью, я пробормотал что-то, не помню, что именно, что-то о том, что вовсе не собирался говорить банальности. Определенно, я никогда не говорю банальностей – по крайней мере, мне так кажется.

– Но это и *есть* банальность, – сказала она.

– Знаете, мне как-то естественнее допрашивать подозреваемых, а не самому подвергаться допросу.

Лора хитро улыбнулась.

– Значит, вам нравится быть главным.

– Когда как.

Она подошла ближе.

– Но вы честолюбивый, да? Хотите подняться на самый верх. Иначе не оказались бы в таком месте.

– В жизни есть много всего, помимо того, чтобы быть на вершине. Я понял это по коробке рождественских хлопушек.

– В этом нет ничего смешного. – Лора шумно втянула воздух.

– Это были дешевые хлопушки.

И тут она рассмеялась, негромко. Увидев свой шанс, я предложил ей принести еще бокал вина. Разумеется, я был в чужой весовой категории – полицейский-новичок, каким-то образом получивший университетский диплом, оплаченный моей работой, и не имеющий абсолютно никакого опыта общения в высшем обществе. Я до сих пор не могу сказать, что увидела во мне Лора; разве что, быть может, в нас было больше общего, чем это можно было сказать на первый взгляд.

Мы поженились полгода спустя.

* * *

Снова спускаюсь вниз, прохожу в кабинет, осторожно переступая через разбросанные по полу бумаги, и смотрю в окно на дорогу перед домом. Снег прекратился; в свете фонарей он кажется белым. Унылая сцена, горькая пародия на рождественскую открытку: ряды занесенных снегом припаркованных машин, похожих на лодки, вмержшие в лед. Но я замечаю свежие следы колес, появившиеся уже после того, как я вошел домой.

– Я ложусь спать, – говорит в дверях Лора.

Я отвечаю, что сейчас тоже поднимусь, но, когда оборачиваюсь, Лоры уже нет.

Задерживаю плотные шторы, зажигаю свет и изучаю незнакомое помещение, которое вроде бы должен хорошо знать. На стене висит моя фотография с выпускного парада в Хендоне: я бесконечно гордый и счастливый, в новеньком парадном мундире. Затем я вспоминаю. На столе стоит компьютер; я его включаю, он исполняет приветственную мелодию и приглашает войти в систему пользователя «Р».

«Р»? Это мой инициал, но я никогда так не подписывался. И мой пароль не подходит.

Пытаясь думать сквозь застилающий мой рассудок туман, я поднимаю с пола и кресла упавшие бумаги. Отчеты о старых делах, я их не узнаю. На столе, наполовину скрытая какими-то бланками, лежит записная книжка, черная, такие выдают в полиции; хотя, когда я ее раскрываю, почерк оказывается не мой – похожий, но более угловатый и размашистый, – а загадочные примечания с таким же успехом могли бы быть на иностранном языке. Я снова чувствую нарастающую панику. Пытаюсь сдержать ее и рассуждать логически.

Рядом с письмами стоит телефонный аппарат; шнур натянут, словно телефон переставили на другое место. Я снимаю трубку, нажимаю повтор и слушаю тональные гудки последнего набранного номера. Их одиннадцать. Это означает или междугородний, или сотовый. Я кладу трубку до того, как связь установится.

Как выясняется, Лора на самом деле не в кровати, а в гостиной – сидит, уставившись отсутствующим взглядом в раскрытую на коленях папку. Я останавливаюсь у нее за спиной у двери.

– Ты сказала, что позвонила Иззи, а затем сделала три звонка по работе?

– Да, господин следователь. По своей работе. У меня тоже есть работа. У меня были клиенты, которые должны были прилететь из Германии на совещание, но там тоже плохая погода, поэтому мне пришлось переносить совещание на более позднее время. Что-нибудь еще?

– Ты звонила из моего кабинета?

Лора медлит, прежде чем ответить, что нет, она звонила со своего сотового. У меня возникает ощущение, что осталось что-то недосказанное. Я спрашиваю, почему она ответила не сразу.

– Росс, не цепляйся за каждую паузу. Я устала. У меня выдался непростой день. Я хочу тебе помочь, но не знаю, как.

Медленно дыша, я считаю до десяти, как и полагается. Нас учат, как допрашивать подозреваемых, но нигде не учат, как задавать вопросы любимой женщине. Я встаю у Лоры за спиной и принимаюсь массировать ей плечи, но она напрягается.

– Это еще не всё, – говорю я. – Дело не только в моей памяти. Сегодня вечером в больнице неизвестный набросился на меня с ножом.

– Он тебя ранил? – Потрясенная Лора резко оборачивается.

– Я в полном порядке, Лоло. Все хорошо. Как ты сама можешь видеть. Несколько порезов. Но он набросился на меня. Без каких-либо причин.

– Ты полагаешь, он по-прежнему тебя преследует? Он здесь... Вот почему ты все время выглядываешь в окно?

– Нет, скорее всего, нет. С этим я разберусь. Не беспокойся. Но, пожалуйста, никому не говори, даже ребятам из участка. На всякий случай.

Возвращаюсь в кабинет и снимаю трубку телефона. Похоже, я стоял вот здесь вчера вечером, кому-то звонил, после чего резко ушел. Сейчас уже без четверти три ночи воскресенья, и, наверное, все уже спят, но я могу попасть на автоответчик, что, в свою очередь, может дать мне имя. Хоть что-нибудь, чтобы помочь мне найти дорогу в темноте. Я колеблюсь, затем решаюсь

и снова нажимаю кнопку повтора. Долго звучат длинные гудки, и я уже собираюсь положить трубку, когда наконец отвечает мужчина, сонный, недовольный.

Этот голос я узнаю без каких-либо колебаний.

Глава 12

Иногда мое сознание так легко переходит от одного воспоминания к другому, что не видно никакого стыка. Прыгает сквозь время. Без швов. На несколько благословенных минут я забываю о том, что я забываю. Затем все начинается сначала. Я замечаю какую-нибудь ошибку, маленькую складку на ткани времени. Словно вырезанный фрагмент кино. Я вспоминаю разбитый бокал, запах пролитого вина. Я снова стою на пустынной улице и смотрю на падающий снег. И ужас возвращается.

Даже сейчас, покидая Лондон на Лорином «Приусе» в три часа ночи, я не знаю, зачем я здесь. В течение какого-то пугающего мгновения оглядываюсь по сторонам, отчаянно жаждая найти хоть что-нибудь, но на соседнем сиденье нет ничего – ни записей, ни карт.

Затем, после проникнутой бесконечным ужасом минуты, я вспоминаю. Я еду к человеку, ответившему на мой звонок. К своему отцу.

Что сказал Пол, сняв трубку?

Он что-то промямлил. Пробормотал что-то бессвязное.

– Ты помнишь, как я звонил тебе вчера вечером? – спросил я.

Пол долго молчал, наконец сказал:

– Да.

– Полагаю, нам не стоит обсуждать это по телефону, – сказал я.

И он ответил:

– Что ж, Росс, я ведь не сплю, так? Я ставлю чайник.

Я вижу далеко впереди пару задних габаритов и в зеркале заднего вида пару фар далеко позади. Снег прекратился, но, как и я, другие водители также не рискуют в таких дорожных условиях ехать быстрее тридцати миль в час. Я сворачиваю с А-1 налево и остаюсь один. Сельская местность вокруг погружена в темноту, проникающий в приоткрытое окно воздух чистый и морозный. На иссиня-черном небе сияют звезды, отчетливые, как на церковной фреске. Словно Господь вернулся в этот мир. Вот то простое, на чем я могу сосредоточиться.

Через какое-то мгновение сзади снова вспыхивает еще одна пара фар.

После появления этой машины усталость внезапно исчезает. За мной следят? Впереди возникает освещенная фонарями круговая развязка. Покрышки «Приуса» визжат на льду. Повинуясь внезапному порыву, я резко сворачиваю налево, пуская машину в занос, и снова оказываюсь в темноте леса. В зеркале заднего вида нет ничего кроме ночи, сплошной, беспросветной. Мне это почудилось, я испугался собственной тени. Расслабляю руки, стиснувшие руль.

Но тут фары появляются снова, в их свете искрится снег. Лучи моих фар выхватывают заснеженный кустарник вдоль дороги. Я убираю ногу с педали газа. Двигатель замолкает, «Приус» переключается на электрический режим. Я вижу, как машина сзади начинает нагонять, затем водитель осознает свою ошибку и сбрасывает скорость. Выжидаю тридцать секунд и резко нажимаю на педаль. На какое-то мгновение фары сзади исчезают, затем появляются снова. Теперь больше нет никаких сомнений. Я еду опасно быстро по узкой заснеженной дороге, по обеим сторонам мелькают темные заборы, но вторая машина по-прежнему не отстает.

Это он? Тот человек, который пытался меня убить? Несмотря на страх, уже один тот факт, что меня преследуют, можно добавить в небольшую копилку того, в чем я уверен. Единственный способ борьбы с неопределенностью – это определенность. Убедительные доказательства.

Размышляя над этим, я вдруг чувствую, как колеса «Приуса» начинают идти юзом. Я отчаянно стараюсь сохранить контроль над машиной. Дорога круто поворачивает. Я вхожу в

поворот слишком быстро, деревья приближаются стремительнее, чем я хотел, я жму на тормоз. А вторая машина по-прежнему не отстает.

Мимо мелькает пивная, закрытая и спящая, деревенская церковь и кладбище с серыми надгробиями, одинокий заснеженный грузовик, прижавшийся вплотную к стене, после чего нас снова проглатывает лес.

Меня начинает злить то, что я постоянно на один ход позади. Мне нужно что-нибудь сделать. Взять инициативу в свои руки. Навигатор показывает впереди крутой поворот, а в пятидесяти метрах за ним съезд на боковую дорогу. Приближаясь к повороту, я умышленно торможу. Как я и надеялся, вторая машина отстает.

Я вхожу в поворот, и как только исчезаю из вида, снова ускоряюсь. В приподнятом настроении я замечаю впереди съезд на узкую дорогу между забором и деревьями. Снег подморозило, так что следов я не оставляю.

Я выкручиваю руль. «Приус» входит в поворот, но я медлил слишком долго. Колеса проскальзывают. Я промахиваюсь мимо поворота и с ужасом чувствую, что машину разворачивает.

Кляня себя, я всеми силами пытаюсь удержаться на дороге. Перед лобовым стеклом мелькают деревья. Машина боком ударяет о забор и останавливается. Наискосок, развернувшись в обратную сторону, перегорев дорожку. Двигатель глохнет. Я лихорадочно стараюсь снова его завести и сдвинуться с места. Но из-под капота доносится лишь тщетный визг стартера, и я сдаюсь.

Слышу вой приближающейся второй машины, отчаянно пытающейся сбросить скорость перед поворотом. И вот она появляется – красный «Воксхолл Астра», мчащийся прямо на меня; в салоне один водитель, ослепленный светом моих фар, бьющим ему прямо в лицо. Я хватаюсь за незнакомую ручку двери и вываливаюсь в холодный ночной воздух, а мой преследователь делает вираж, едва не сбивает меня, цепляет передний бампер «Тойоты» в каких-нибудь дюймах от моей ноги, съезжает с дороги и сваливается в неглубокий кювет.

Затем наступает тишина. Ничего кроме шума снега, осыпающегося с раскидистых ветвей.

Я инстинктивно обегаю вокруг «Приуса», опасно скользя по гладкому льду, рывком открываю багажник, лихорадочно ищу что-нибудь тяжелое и нахожу домкрат и сумку с инструментами, закрепленные липучкой. Оторвав липучку, хватаю баллонный ключ.

В «Астре» никто не движется. С трудом ступая по скользкой дороге, я хватаюсь за красную машину, чтобы удержать равновесие, чувствуя себя абсолютно глупо, добираюсь до двери и распахиваю ее. Водитель в шоке, судорожно сжимает руль. Я хватаю его за волосы и вытаскиваю из машины, швыряю головой вперед на землю; ноги его застряли в ремне безопасности, голова ударяется об обледенелый асфальт. Я замахиваюсь ключом.

Мужчина кричит, стараясь защититься. Он круглолицый, в толстом сером пуховике.

– Что тебе нужно? – кричу я. – Какого хрена ты меня преследуешь?

Я с силой опускаю ключ. В последний момент мужчина в отчаянии дергается вбок, но ключ все равно с тошнотворным шлепком бьет его по предплечью. Я хочу еще раз ударить его. Сделать больно кому-нибудь. Все равно кому. Мужчина пытается защититься, отползти в сторону, но у него застряли ноги.

– Шеф, это я! – кричит он. – Это я, шеф, это я, это я! Шеф, это я, Бекс! Я! Остановитесь! Положите ключ! Пожалуйста! – Словно только это и может сказать.

– Кто такой Бекс, твою мать? – говорю я. – Зачем ты преследовал меня?

Мужчина протягивает руку к карману пуховика, и я снова заново ключ.

– Нет! – пронзительно визжит он.

Я кричу ему не двигаться. Мне отчаянно хочется выместить свой гнев на этом человеке, который издевается над моим рассудком. Я распахиваю его пуховик и достаю удостоверение. На нем написано: «Детектив-констебль Бехзад Парвин».

– Кто такой Бекс? – спрашиваю я.

– Я. Вы меня знаете. Это же мое прозвище. Бехзад – Бекс. Вы меня знаете, шеф. Пожалуйста, уберите ключ. Это я.

Я снова спрашиваю, почему он меня преследовал. Он колеблется. Я заново ключ.

– Так Джерри сказал.

– Тебе сказал Джерри?

– Старший детектив-инспектор Гарднер.

Я смотрю на этого человека, наполовину вывалившегося из машины. Как мне понять, что я должен думать? Как мне понять, верю ли я ему?

– Бекс, – говорю я, опуская баллонный ключ, и мужчина кивает.

Глава 13

Я обвожу взглядом обледенелую дорогу. До ближайших домов далеко, они скрыты деревьями, и никто не вышел, чтобы узнать, в чем дело. Человек, называющий себя Бексом, с трудом поднимается на ноги. Я принимаю решение подыграть ему и сделать вид, будто знаю его. Он потирает руку, затем с тревогой осматривает свою машину. Похоже, его больше беспокоит «Воксхолл», чем синяки. Бекс изучает указатель поворота, разбившийся от удара о «Приус», и вмятины на капоте, а я тем временем разглядываю его лицо. Оно добродушное, с темной щетиной. Почувствовав на себе мой взгляд, Бекс одаривает меня удивительно теплой улыбкой.

– Черт, шеф, ну вы меня и напугали, – говорит он и, спустившись в кювет, осматривает передние колеса.

Продолжая вести игру, я говорю, что это он нагнал на меня страху. В темноте я не вижу его лицо. Бекс виновато смотрит на меня и чешет подбородок.

– Да. Извините, – говорит он, этот незнакомый человек, называющий меня своим шефом. – Послушайте, кажется, эта канава неглубокая, и есть надежда вытащить мою машину.

И я помогаю ему подsunуть резиновые коврики под колеса, но все это время не расстаюсь с баллонным ключом. Когда двигатель заводится, Бекс по-детски радуется, издает крик и торжественно хлопает по рулю. Я подталкиваю машину спереди, и с моей помощью он медленно выезжает задом из кювета на дорогу. По большей части констебль проявляет выдержку и практичность, но затем вдруг делает нечто совершенно безрассудное – слишком резко нажимает на газ, выбрасывая из-под колес фонтаны снега и льда, едва не сбивающие меня с ног. Я ору на него и отскакиваю в сторону. Он весело приносит свои извинения.

Беглый осмотр показывает, что машина Лоры получила меньше повреждений. Правое переднее крыло погнулось, зажав колесо: наверное, именно поэтому я не смог тронуться с места. Злясь на себя, просовываю баллонный ключ между колесом и крылом и отжимаю крыло. Насколько я могу судить, с колесом всё в порядке, однако, когда я завожу двигатель, слышится крайне неприятный грохот. Я высовываюсь из машины и говорю, что на «Тойоте» далеко не уеду.

– Ничего страшного, шеф, – успокаивает меня Бекс. – Я вас отвезу. «Вокс» в полном порядке. – Он с любовью хлопает красную машину, словно родитель, гордящийся своим ребенком.

– Он тебе нравится? – спрашиваю я.

– Я купил его на первую зарплату в полиции. Ни разу не доставлял мне никаких хлопот. – Бекс ловит на себе мой взгляд. – Чего я не могу сказать про свою работу. – Он тепло улыбается. Похоже, его настроение меняется с каждой минутой, как у ребенка.

Я не хочу бросать «Приус» здесь, в безлюдной глуши, но Бекс обращает мое внимание на то, что мы недалеко от автосервиса в Саут-Миммс, и нужно только как-нибудь туда добраться. Превозмогая боль, я забираюсь в машину, дожидаясь, когда Бекс развернет «Воксхолл», и мы трогаемся в обратном направлении. Силуэт Бекса смутно виднеется впереди, время от времени освещаемый фарами встречных машин. Где-то через милю я вижу, как его голова поворачивается: он смотрит влево вниз. Еще через четверть мили это повторяется снова.

Я достаточно близко к «Воксхоллу», чтобы разобрать номерной знак. В двадцать минут четвертого утра машин на дороге почти нет, даже здесь, поэтому я нахожу безопасным достать свой рабочий телефон и, управляясь с рулем одной рукой, пробить номер по базе данных. Возвращается ответ: машина зарегистрирована на детектива-констебля Бехзада Парвина.

Я ищу имя «Бекс» в списке контактов на своем телефоне. Оно в нем есть. Повинуясь порыву, я вызываю этот номер и вижу, как голова Бекса опять поворачивается. Значит, тогда

он тоже говорил по телефону. Констебль отвечает. Я спешно придумываю какой-то пустяковый вопрос и завершаю разговор.

«Приус» издает какие-то нехорошие звуки, и я испытываю облегчение, когда мы выезжаем на М-25 и прямо перед Саут-Миммс сворачиваем на просторную стоянку, залитую светом фонарей. Я останавливаюсь рядом с Бексом и оставляю на лобовом стекле карточку Службы столичной полиции, чтобы «Тойоту» не забрали на штрафстоянку. После чего открываю дверь «Астры». Левое переднее сиденье завалено обертками из-под сэндвичей, смятыми бумажными стаканчиками и номерами «Мейл»; с заразительной улыбкой и еще одним извинением Бекс сгребает все и бросает на заднее сиденье. Похоже, извиняться этот парень умеет.

– Куда теперь, шеф? – спрашивает он.

Я называю ему адрес, не уточняя, что там живет мой отец, и Бекс не показывает, что узнал его. Вместо этого он вводит адрес в навигатор, закрепленный на приборной панели, вырывается со стоянки и снова направляется на север.

У него добродушное лицо, большие руки, густые черные брови и теплые манеры большой дружелюбной собаки. Я мысленно представляю себе, как легко у него получается заставить людей расслабиться и заговорить, однако по-прежнему не знаю, можно ли ему доверять. Поворачиваюсь к нему.

– Ты следил за мной. Это что еще за хренотень, твою мать?

Бекс смущенно молчит.

– Ты сказал, что тебе приказал старший детектив-инспектор Гарднер. Я тебе не верю. Я не верю, что мой босс приказал тебе следить за моей машиной.

– Это правда, сэр. В определенном смысле.

Я отмечаю почтительное «сэр». Что это – знак уважения или же Бекс хочет усыпить мою бдительность?

– Что означает «в определенном смысле»?

Бекс обгоняет грузовик и смотрит на меня.

– Я пришел на службу в десять вечера и разбирал бумаги в дежурке, когда позвонил Джерри... старший детектив-инспектор Гарднер – и сказал, что вы подверглись нападению, после чего исчезли. Ему нужен был надежный человек, чтобы присмотреть за вами.

– Он так сказал?

– Я тотчас же примчался к вашему дому, по дороге едва не столкнувшись с парой ночных автобусов.

У него мягкий голос, с южно-лондонским акцентом, и тихий, так что временами мне приходится наклоняться к нему, чтобы расслышать его слова. Я машу рукой, приглашая его продолжать.

– Когда я туда приехал, все было темно. Затем я увидел, как вы раздвинули шторы и выглянули на улицу. Я доложил Джерри, что вы дома. Собрался было зайти к вам домой и поговорить с вами, но тут вы вышли на улицу и сели в «Приус». Я решил поехать следом за вами, на тот случай, если вам понадобится помощь. Но как же вы меня напугали! Там, на дороге... Когда я решил, что вы меня не узнали.

Он снова бросает на меня взгляд. Мне хорошо знакомо такое выражение лица. Я видел его у многих молодых полицейских. В нем сквозит нетерпеливое рвение. Бекс похож на большого лохматого лабрадора, которому только и хочется, что быстро бегать и еще чтобы его гладили.

– Ты кому-то звонил, – говорю я, ловя себя на том, что тоже начинаю говорить тихо. – Ты звонил кому-то из машины, только что, когда мы ехали в Саут-Миммс.

– Я никому не звонил, – говорит Бекс.

– Я всё видел. Я видел, как ты смотрел вниз.

– Я отправил текстовое сообщение. Докладил Джерри Гарднеру, что мы встретились.

– А второй раз? Ты опускал взгляд дважды.

Бекс улыбается и качает головой:

– Я же должен был проверить, что пришел ответ, правильно?

Я молча жду, не зная, верю ли хоть единому его слову. Бекс смотрит на мои руки. Непривольно я также опускаю взгляд. Сквозь пластырь просочилась кровь.

– Шеф, вам неплохо бы наложить швы, – говорит Бекс.

– На сегодня с меня больниц достаточно, – я качаю головой.

Смотрю детективу-констеблю Бехзаду Парвину в глаза и по-прежнему не могу определить, на чьей он стороне, но, с другой стороны, сколько еще я смогу обходиться совсем один? В салоне стоит удушливая жара, и мне отчаянно хочется потянуться, но, когда я делаю так, это не помогает. Снова выпрямляюсь. Человек, называющий себя Бексом, не говорит больше ни слова, полностью сосредоточившись на дороге.

Еще через несколько миль я вижу, как он сворачивает на погруженную в темноту полосу торможения, затем на погруженную в еще большую темноту второстепенную дорогу. «Воксхолл» начинает карабкаться в такой крутой подъем, что я тревожусь, хватит ли сцепления покрышек, но Бекс, похоже, абсолютно уверен в своей старой потрепанной машине и с воодушевлением нажимает на газ. Мы проезжаем выцветший знак фруктового сада, припорошенный снегом. Затем – ярко светящийся указатель стоянки для передвижных домов: «Зеленая роща: доступное решение жилищной проблемы». Он оставляет плывущее в ночной темноте остаточное изображение, печальный мигающий негатив рекламы доступного жилья.

Мы сворачиваем на обледенелую дорожку, освещая лучами фар два ряда домиков. Самые внушительные похожи на небольшие коттеджи, с крыльцом и ухоженными растениями, согнувшимися под снегом. «Доступные решения жилищной проблемы» немногим лучше поставленных на стоянку передвижных домов. Я прошу Бекса остановиться в дальнем конце, у автофургона, тускло освещенного дежурной лампой. Рядом стоит ржавый зеленый «Рено Меган». Вот здесь живет мой отец, с тех самых пор как уволился из полиции.

Бекс глушит двигатель и тянется к двери, но я кладу руку ему на плечо, останавливая его.

– Оставайся здесь.

Вид у Бекса недовольный, но я оставляю его в машине и с трудом хромаю по обледенелой дорожке.

* * *

Дверь открывается в то самое мгновение, когда я нажимаю на звонок, и появляется лицо Пола, серое в ночной темноте. Он медлит, словно ждет, что я что-то скажу, но я молчу, и он отступает в сторону, пропуская меня. Вот только в дверях тесно, поэтому Пол без улыбки втягивает живот.

Я протискиваюсь мимо него в комнату, и он следует за мной, сопя носом. Просторные джинсы, старая мешковатая футболка; отец выглядит более грузным, чем я его помню, и более сгорбленным. Он указывает своей толстой рукой на потертое кресло, и я удивляюсь тому, с какой готовностью опускаюсь в него, как у меня по-прежнему все болит, какой туман все еще стоит у меня в голове. Пол предлагает мне выпить. Я прошу крепкий чай и жду, пока он втискивается в крохотную кухню. И снова чувствую нарастающее беспокойство. Что такого знает Пол, чего не знаю я? Кем мы были друг другу в течение последних полутора лет?

Но, по крайней мере, его неподвижный дом ничуть не изменился. Сколько уже лет живет здесь мой отец, но он по-прежнему ведет себя словно иностранный турист в незнакомой стране. Все его имущество кажется временным. Тут и там я вижу безделушки, среди которых вырос. Пластмассовая Пизанская башня из какого-то давным-давно забытого отпуска, вазочка со

стеклянными фруктами, которую любила моя мать, но только с нее уже очень давно не вытирали пыль.

Пол возвращается с полицейской кружкой для меня и банкой пива для себя и плюхается во второе кресло. Он внимательно наблюдает за мной, хотя внешне это незаметно; глаза у него вроде бы слезящиеся, а взгляд рассеянный. Пол держит меня своим периферийным зрением. Это один из приемов, которому я научился у него.

Почему ему? Ну почему, во имя всего святого, вчера вечером я позвонил именно ему?

– Ты содержишь свое жилье в порядке, – говорю я, решив сохранять внешнюю неприужденность.

– Дела у меня идут нормально, – говорит Пол, дергая за кольцо-открывашку и разглядывая банку так, словно в ней заключен смысл жизни. – Следить за своим домом я умею. И я работаю. Хочешь мою визитную карточку?

На самом деле я помню, что у меня как-то была его карточка: ее взял на конференции по безопасности констебль, вместе с которым я работал в другом участке. Уволившись из полиции, Пол преподнес себя частным советником по безопасности; его услугами пользовались бизнесмены, считавшие, что по той или иной причине они нуждаются в дополнительной безопасности – англичане, русские, китайцы и кто там еще. Также отец время от времени подрабатывал во второсортных клубах, присматривая за вышибалами и дежуря на входе. Те, у кого не всё в порядке с законом, любят иметь на своей стороне тех, у кого есть связи в полиции. Они рассуждают, что в этом случае их могут предупредить об облаве или в случае необходимости замолвить за них словечко.

Иногда, как я слышал, отцу звонили те, кто находился по ту сторону закона, – скажем, мелкий торговец наркотиками, решивший завязать, или шлюха, которой угрожал ее сутенер и которой требовалась помощь более неофициального характера. Пол по-прежнему наводил на людей страх одними своими габаритами.

И вот он рассматривает мои руки, лицо и шею так, будто только что их заметил.

– Наверное, тебе больно.

– Не так, как могло быть. – На самом деле шея разболелась сильнее, но я не собираюсь ему об этом говорить.

Пол медленно кивает. Ни один его сын, никто, носящий фамилию Блэкли, никогда не станет нытиком, и даже сейчас я нахожу детское удовлетворение в том, что он заметил мой стоицизм.

– И все же тебе нужно показать свои раны.

– Ты ждал моего звонка, – говорю я, меняя тему. – Ты несколько не удивился. – Слезу за его реакцией. Я отчаянно стремлюсь ухватиться за что-нибудь, что позволит мне разобраться в происходящем, но это всё оказываются тонкие соломинки.

Легкая усмешка доходит почти до свинячьих глазок отца.

– Я не был уверен, – говорит он. – Я думал, что ты можешь позвонить, но ты мог и не позвонить.

– После того, как я звонил вчера вечером.

Пол изучает меня долго и пристально.

– После этого, – соглашается он, приподнимая банку с пивом. Встает с хриплым присвистом и достает из буфета плитку темного шоколада. – У меня к этому времени просыпается голод. Я полагал, такое происходит, когда становишься старым. Я имею в виду, очень старым.

– Похоже, на тебя жор напал.

Издав короткий смешок, Пол снова опускается в кресло.

– Что, теперь переходим на шутки?

Я не знаю, что на это ответить. Насколько я помню, вот уже несколько лет мы не поддерживали никаких отношений. Но едва ли по моей вине. Я отцу ничего не сделал; если что,

произошло обратное. Пол пытался помешать мне пойти на службу в полицию, а то, как он уволился, никак не способствовало моей карьере. Поэтому я просто пожимаю плечами и говорю:

– Почему бы и нет?

Пол с воодушевлением откусывает прямо от плитки и стряхивает с живота шоколадные крошки. И ждет. Я понимаю, что он встревожен моим видом, хотя отец всегда мало выражал свои чувства. Я же хочу прямо спросить у него, почему я звонил ему вчера вечером, но тогда мне придется выложить ему все про мою память. Правда может быть опасной. Ее может использовать как оружие даже мой отец. Вместо этого я осторожно интересуюсь, звонил ли ему Джерри. Пол кивает и говорит:

– Да, весь вечер сплошные звонки. Ты, Джерри и другие...

Я старательно обхожу вниманием «и других», незаметно подброшенных в качестве приманки. Просто киваю и спрашиваю, что сказал Джерри, и отец говорит, что тот позвонил после того, как я пропал из больницы. Он отпивает глоток пива, и несколько капель стекают ему на подбородок. У меня такое ощущение, будто мне опять восемь лет и я сейчас получу взбучку.

– Джерри просил перезвонить, если ты объявишься. Но я пока что не звонил.

Я откидываю голову назад на жесткий подголовник.

– Почему?

– Сперва я хотел поговорить с тобой.

Пол не выказывает никаких чувств, но этим он всегда владел хорошо. Это часть его методики ведения допросов, чему я также научился у него. Оставаться бесстрастным. Холодным. Ничего не выказывать, ничего не говорить, и собеседник не выдержит и начнет сам заполнять паузы. Выполнит за тебя твою работу.

– Что происходит? – говорит Пол, и его маленькие глазки сверлят меня насквозь.

Я подозреваю, что он уже сам догадался, но, с другой стороны, именно такое впечатление он и хочет на меня произвести. У меня не остается выбора. Я встаю и подхожу к окну. Вижу невдалеке Бекса, который по-прежнему сидит в своей машине, отвернувшись в противоположную сторону.

– Я потерял время. – Оборачиваюсь к Полу. – Словно меня там никогда не было. Какие-то вещи я не помню. Я не помню, что звонил тебе вчера.

Ну вот, я наконец высказал это. Смутно жду, что отец рассмеется или встанет и отвесит мне затрещину, однако он не делает ни того ни другого. Просто откусывает еще один кусок шоколада.

– Как давно? – спрашивает он. – Сколько ты не помнишь?

– Думаю, полтора года. – Снова сажусь и закрываю глаза. Я испытываю облегчение от того, что высказался. Обратился за помощью к отцу после стольких лет. – Я не знаю, что делать. Восемнадцать месяцев бесследно исчезли. С августа позапрошлого года, после того как я перевелся в Кэмден, и до самого вчерашнего вечера. Я бродил по Кентиш-Тауну, у меня раскалывалась голова, на мне была незнакомая одежда, я обнаружил, что дом, в котором жил, снесли, а затем приехал в дом, который никогда прежде не видел. – Я открываю глаза. – Не говори Джерри.

Пол ровным голосом сообщает, что я могу на него положиться: он будет держать рот на замке, твою мать.

– Ты сказал Лоре?

Я киваю.

– Итак, скажи, зачем я звонил тебе вчера вечером?

Пол поднимается на ноги, тяжело дыша от усилия, и идет на кухню. Берет еще одну банку пива и предлагает мне, но я качаю головой.

– Ты не помнишь?

– Ничего. Что мне было нужно?

Отец с силой захлопывает дверцу буфета.

– Ты правда хочешь знать?

– Что мне было нужно, твою мать? Или я даром потратил время, притащившись сюда?

– Ты звонил насчет двух медсестер.

– Медсестер?

– Медсестер. Какие бывают в больницах.

Я ничего не понимаю.

– Как гром среди ясного неба. Ты позвонил мне впервые – за сколько, дьявол? Голос у тебя был безумный, будто ты спятил.

– Что я сказал?

Пол обдумывает мой вопрос.

– Что эти две женщины в опасности. И ты должен их спасти. – Он снова скрывается за углом, и наступает полная тишина. Я уже собираюсь вскочить и последовать за ним, но он возвращается, открывает банку и отпивает большой глоток.

– Что именно я сказал? Дословно.

– Странно все это, – говорит отец, облизывая пену с губ. – Росс, ты правда не помнишь?

– Ничего.

Пол встает и смотрит на меня поверх банки с пивом.

– Вот что ты сказал: ты должен их спасти. Кто-то собирается их убить.

– И?.. – Я вопросительно смотрю на него.

– Ты не знаешь, где они. И думал, что я тебе подскажу.

– Почему именно ты?

– Ты не доверял тем, кто в участке.

– Что это может означать? – Но мы оба понимаем, что существует лишь одна причина, почему я не доверяю тем, кто в участке. Мне становится еще страшнее, чем прежде, но я должен узнать больше. – Так что насчет этих медсестер? Ты мне помог? Смог что-нибудь выудить в обширной базе данных у себя в голове?

Пол глубоко вздыхает. У него одутловатое лицо, глаза стали красными.

– Ты смог назвать только одну из них, Росс.

– И?..

Он смотрит мне в глаза.

– Я о ней слышал.

– Как ее зовут?

Вагончик скрипит. Вдалеке слышится гудок поезда. И Пол называет мне то имя, которое я боялся услышать. Имя убитой медсестры в гостинице. Эми Мэттьюс.

Глава 14

Пол выжидающе смотрит на меня, и я ловлю себя на том, что непрерывно стучу себя по колену пустой кружкой. Ставлю ее на пол рядом с пачкой старых номеров «Полицейского вестника».

Я всегда хотел стать полицейским. Помню, как следил за Полом, снявшим форму и перешедшим в следственный отдел, и Джерри Гарднером, продвигающимся по служебной лестнице следом за ним. Я витал в облаках и был уверен в том, что это мой жизненный путь. Я не пропускал ни один полицейский сериал, который показывали по «ящику»: «Синие мундиры», «Управление полиции Нью-Йорка», «Хилл-стрит» и все остальные. Когда мне было шесть лет, я даже попросил на Рождество полицейскую форму. Хотя сейчас никому об этом не стану рассказывать.

Семь месяцев спустя я нашел свою форму, выброшенную на помойку. Кто-то засунул ее в мусорный бак. Это был мой день рождения, дело было в июле, ярко светило солнце, и я нашел свою форму засунутой в самый грязный бак, насквозь провонявшую тухлым мясом и скисшим вином.

* * *

Ветер набирает силу, ударяя в окна фургона у меня за спиной, завывая в щелях рам. У меня перед глазами стоит труп в номере в гостинице с жутким немигающим взглядом, устремленным на дверь. Затем я спрашиваю у Пола, что он мог рассказать мне об Эми Мэттьюс, и он, подумав немного, отвечает, что после разговора со мной сделал пару звонков и перезвонил мне, выложив все, что ему удалось узнать.

– Это заняло минут десять.

– И что ты мне рассказал?

Пол сопит носом и вытирает рот.

– Я видел ее где-то с год назад, когда сопровождал клиентов-китайцев, решивших немного поразвлечься. Она навевалась в один подпольный притон в наших краях, покупала кокс. То-сё...

– Год назад? И с тех пор ты ее больше не встречал?

– Ну, было несколько раз.

– Где?

– Это допрос, Росс?

– Пока что ты единственный, кто может мне помочь. Мне бы очень хотелось, чтобы все было по-другому. Поверь, я не хочу сидеть здесь и задавать тебе вопросы. Почему я решил, что ты должен ее знать?

Пол задумчиво смотрит на меня.

– Она подрабатывает в одном медицинском агентстве. Дает консультации местным шлюхам и наркоманам. Клиника сексуального здоровья, что-то в таком духе. Скажем так: у нас с ней были общие знакомые.

Он умолкает и отпивает глоток.

– Ты продавал ей кокс?

– Нет, твою мать! У меня еще осталась капля чувства самосохранения.

Я спрашиваю, где Эми Мэттьюс могла купить кокаин, и Пол печально качает головой:

– Я не знаю, где она достает его сейчас. Тот притон, где я ее видел, вскоре прикрыли. Но когда я упомянул о том, что она ходила в подпольный клуб, ты ничуть не удивился. Сказал мне, что на прошлое Рождество проводил облаву в одном таком.

– Я решил, что это был тот же самый?

– Ты ничего не сказал. Просто положил трубку. Я также не помню, чтобы ты сказал «спасибо». – Он кисло усмехается.

Я словно в тумане пытаюсь переварить информацию.

– Вчера вечером меня вызвали в одну из гостиниц. Рядом с Кингс-Кросс. Одна мертвая женщина. Это была она. – Я достаю сотовый телефон и протягиваю Полу, показывая фотографию трупа Эми Мэттьюс. – Взгляни.

– Что я, мертвецов не видел...

– Нет, ты посмотри. Что ты видишь?

– Я знаю, ее застрелили и... – Пол слегка морщится. Ему неприятно смотреть на труп. Наверное, за время службы в полиции он повидал их сотни, но, должен признать, у этого более жуткий вид, чем у большинства.

– Присмотрись хорошенько, – говорю я. – Дешевое старое платье, шерстяной свитер и сапоги-«дутики». И никакой косметики.

– Я всё вижу и понимаю, что ты хочешь сказать. Чем бы она там ни занималась, к клубу это не имеет никакого отношения.

– Так чем она там занималась?

Пол ничего не отвечает. Я снова закрываю глаза. Ветер воет громче, порез у меня на шее пульсирует болью.

– Почему я считал, что ей угрожает опасность? Я ее нашел? Я получил вот это, пытаюсь ее спасти?

– Все со временем вернется, – ворчит Пол.

– Ты думаешь? – Я тут что-то недопонимаю. – Ну, а вторая?

– Какая вторая?

– Ты сказал, я говорил тебе про двух медсестер. Одну убили. Что со второй?

– Ты назвал мне только одно имя.

– Пол, напрягись. Я хоть что-нибудь говорил о второй?

– Ровным счетом ничего. – Он ставит пустую банку на стол.

– Твою мать, если я пытался разыскать двух медсестер, я должен был сказать что-то о второй. Кто она? Где может быть? Думай! – Мне хочется хорошенько его встряхнуть. – Эта медсестра в опасности. Возможно, тот, кто убил Мэттьюс, еще не нашел ее.

Пол молча пожимает плечами, и его благодушие злит меня еще больше.

– Ты больше ничего не можешь мне сказать? Я не хочу войти в другой гостиничный номер и обнаружить еще одну женщину, разбрызганную по стенам!

Но я осознаю, что в этом нет смысла. Я получил от отца все, что мог. Встаю и направляюсь к двери, затем оборачиваюсь и смотрю на него, сидящего в заплесневелой голой комнате жилого прицепа.

– С тобой точно всё в порядке? – спрашиваю я. – Тебе ничего не нужно?

– Я не настолько старый. Я еще умею выходить в интернет и брать напрокат видеодиски. Я открываю дверь, и мне в лицо дует холодом.

– Я когда-либо упоминал коппера² по имени Бекс?

– Да. Это твоя правая рука.

– Ты когда-нибудь с ним встречался?

² Одно из прозвищ полицейских, пришедшее в Англию из США.

– Всего раз десять. Это он сейчас сидит на улице в красном «Воксхолле», стараясь не отморозить яйца.

Я оборачиваюсь.

– Определенно, сам он говорит именно это. Я ему доверяю?

– А ты правда ничего не помнишь, да? Этот парень умрет за тебя. Пусть вид у него не ахти, но я не встречал коппера, которому доверял бы больше.

Я по-прежнему сомневаюсь.

– Тот человек, который напал на меня в больнице, который пытался меня убить – он знал, кто я такой. Но о том, что я в больнице, были в курсе только в полиции.

– А что насчет персонала больницы? Они тоже знали, что ты там.

Я ежусь.

– Ты всегда учил меня выбирать самый простой ответ.

– Я, нах, никогда тебя ничему не учил. По крайней мере, по своей воле.

Я задумываюсь над ответом. В конце концов, я по-прежнему полицейский, а Пол – нет. Я – единственный Блэкли, оставшийся в полиции, хотя отец всячески этому противился. Но опять же, я знаю, что он гордится моими успехами и достижениями, хотя скорее умрет, чем признается в этом. И, несмотря ни на что, он мой отец.

Поэтому я ничего не говорю, а просто выхожу на улицу и закрываю за собой дверь.

* * *

Пока человек, называющий себя Бексом, выезжает со стоянки жилых прицепов, я втискаюсь в угол и, откинув голову на петлю ремня безопасности, присматриваю за ним. Несмотря на боль, усталость и постоянный страх, что я схожу с ума, я постепенно снова начинаю соображать. Где-то тут есть ответ на то, что происходит. Бекс спрашивает, куда ехать. Мне нужно время, чтобы подумать, поэтому я говорю просто:

– В город. Быстро.

Хотя, когда мы снова выезжаем на А-1, еще по-траурному темно, движение становится более оживленным: первые немногочисленные грузовики, развозящие товары по магазинам, и те, кому даже в воскресенье нужно ехать на работу. Всевышний отвел этот день на отдых и молитвы. Отдыха я не вижу и задаюсь вопросом, что такое молитва. Рефрижератор везет мороженые продукты в супермаркет. Бензовоз везет горючее на заправку. Я проникаюсь завистью к ортодоксальным иудеям и адвентистам Седьмого дня за их веру в особый день. Это как Рождество, но только на каждой неделе. Наверное, должно быть что-то убаюкивающее в закрытых магазинах, поставленных на прикол машинах. В сознании того, что где-то есть кто-то, кто по-прежнему выкраивает время на то, чтобы не делать деньги.

Выпавший ночью снег замерз и стал жестким, и я чувствую, как опасно проскальзывают колеса, когда Бекс входит в повороты.

– Я хочу, чтобы ты сейчас связался с участком, – говорю я. – Мне нужно, чтобы ты выяснил, не было ли этой ночью нападений на других женщин.

Бекс бросает на меня удивленный взгляд.

– Вчера вечером в гостинице у Кингс-Кросс была застрелена женщина. Я хочу знать, не было ли других подобных случаев.

– Вы не хотите объяснить, в чем дело?

– Нет.

– Вы сейчас встречались со своим отцом?

– Да. Звони.

Бекс чешет затылок, затем набирает номер, а я закрываю глаза и пытаюсь рассуждать. Опасность угрожает второй медсестре, и если она еще жива, я не знаю, сколько у меня времени

на то, чтобы ее спасти. Возможно, уже слишком поздно. Возможно, она уже лежит в другой комнате, подобно Эми Мэттьюс, мертвая или истекающая кровью. Я ее подвел, потому что я ничего не помню. От этой мысли мне становится плохо.

Бекс заканчивает разговор. Как всегда, несколько женщин, поколоченных своими друзьями, изнасилованная проститутка и обычные субботние семейные разборки, но, помимо Эми Мэттьюс, больше ничего. Мы подъезжаем к Саут-Миммс, где оставили Лорин «Приус».

– Не хотите остановиться и заняться вашей машиной? – спрашивает Бекс, сбрасывая скорость перед съездом на стоянку.

– Гони в город как можешь быстрее.

– Никаких проблем, сэр. Я обожаю работать таксистом.

Не обращая на него внимания, я достаю записную книжку, намереваясь занести в нее все, что мне известно на настоящий момент, но после «Мэттьюс» и «Вторая медсестра?» я останавливаюсь, чувствуя себя глупо. Я не знаю об этих женщинах ничего помимо того, что мне рассказал Пол. Что Эми Мэттьюс посещала подпольный притон. Я пишу: «Притон».

– В декабре мы нагрянули в один притон... – начинаю я.

Бекс не отрывает взгляда от дороги.

– В «Одиночество»?

– В «Одиночество». – Я записываю название в надежде на то, что это оживит какие-нибудь воспоминания. Подобные подпольные клубы без лицензии живут недолго. У них нет вывески над входом, нет страницы в интернете, они не значатся ни в одном справочнике. Сейчас клуб устроили в здании заброшенной фабрики, а через месяц он уже будет в убогом подвале в противоположном конце города. Полиция их закрывает, а через считанные дни они появляются снова. Но это название для меня ничего не значит. – Я хочу, чтобы ты выяснил, куда он перебрался сейчас.

Все внимание Бекса поглощено тем, чтобы обогнать мотоциклиста. Наконец он отвечает, раздельно выговаривая слова:

– Но нам же это известно, шеф. Мы установили это четыре недели назад. – Он бросает на меня взгляд. – Вы сказали мне притормозить и никому ничего не говорить, поскольку вам показалось, что в прошлый раз их заранее предупредили.

– Вези меня туда, – говорю я, и Бекс снова оглядывается на меня, но ничего не говорит.

Мы въезжаем в пригород; я смотрю на мелькающие мимо дорожные знаки. Опасность угрожала двум женщинам. Одна из них мертва. К этому причастен кто-то из участка. Мне нужна помощь, но кому я могу доверять? Начиная с этого человека рядом со мной, который называет меня шефом. Я вижу его смуглую кожу, темные волосы на затылке. Кто он? О чем думает? О чем таком не говорит, что я должен знать?

Конечно, вдруг осеняет меня, если Бекс не тот, за кого себя выдает, я, возможно, помогаю убийце найти следующую жертву.

– Всякий раз, когда идет снег, отец рассказывает про то, как они шли по горам, когда бежали из Ирана, – неожиданно говорит Бекс, словно догадавшись, что я думаю о нем. Он на скорости обгоняет грузовик с мебелью из Шотландии и говорит о том, как у его родителей при шахе была фабрика, выпускавшая ремни и кожаные сумки. Похоже, Бекс выкладывает этот эпизод истории своей семьи в качестве примирительного жеста. А может быть, ему кажется, что если он откроется мне, я откроюсь ему. Это трюк бывалых рецидивистов: выкажи человеку свое доверие, и он ответит тебе тем же.

– Затем случилась революция, – продолжает Бекс, не обращая внимания на то, что я и не думаю ему отвечать. – Родители мои были совсем молодыми, только-только поженились, но отец быстро прославился своей нелюбовью к новым парням и решил бежать, пока не поздно. Они с матерью шли через горы, вдвоем, почти без всего. Приехав сюда, брались за любую работу, какую им предлагали, откладывали каждый свободный пенни – и наконец купили газет-

ный киоск в Норт-Финчли. Они любили Маргарет Тэтчер и до сих пор мечтают о том, чтобы их единственный сын когда-нибудь вернулся в Исфахан и продолжил выпускать кожаную продукцию. – Смешок. – Печально, но у меня никогда сердце не лежало к бизнесу, – говорит он после небольшой паузы и, оторвав одну руку от руля, изображает виноватый жест.

Я чувствую, что сердце Бекса лежит к тому, чтобы двигаться, что-то делать, вышибать двери, ловить преступников. Не тот он человек, который захочет сидеть и что-то обдумывать, и уж тем более создавать линию модных иранских аксессуаров. Я сочувственно бурчу что-то, но если Бекс ждал услышать мои личные воспоминания, его ждет разочарование. Снова закрываю глаза и откидываюсь головой на дверь. Я должен использовать те воспоминания, которые у меня есть. Думаю о глазах Эми Мэттьюс, смотрящих сквозь меня. Что она видела? Друга, охваченного буйством? Бывшего любовника, затаившего смертельную обиду? В нее выстрелили от пяти до семи раз. У двери произошла драка. Но всякий раз, когда пытаюсь представить себе стрельбу, я чувствую, что тут что-то не так, что-то от меня ускользает.

* * *

Воспоминания оказываются гораздо более скользкими, чем я полагал. История жизни Бекса оказала на меня странное воздействие, причем плохое. Я ловлю себя на том, что начинаю сомневаться в воспоминаниях, которые у меня точно были, и пытаюсь разобраться в тех, которых у меня точно не было. Это страшно: воспоминания ускользают от меня. Я стараюсь бороться с тем, что уже прозвал своим «забвением». Надо вспоминать. Все что угодно. То место, куда я шел вчера вечером. Дом, в котором я жил. Лору. Гостиницу. Другие гостиницы. Вскоре воспоминания о всевозможных гостиницах разрастаются у меня в голове подобно сорнякам.

Первая гостиница, которую мне удастся вспомнить, на Менорке. Почему из всех гостиниц именно эта? Сколько мне тогда было – семь лет? Яркие здания вокруг двух голубых бассейнов над обрывом. Далеко внизу крошечный полумесяц пляжа, добраться до которого можно было только по длинной крутой лестнице. Я со страхом ходил по ней, крепко вцепившись в руку матери, стараясь не смотреть вниз, боясь, что если я посмотрю на море, оно сорвет меня с обрыва. Отец, разумеется, шествовал впереди, подобно спартанскому полководцу, каждым своим шагом выражая без слов свое отношение к моей робости. Мне так хотелось ходить по лестнице, как он... Заслужить его уважение...

Однако именно в этой гостинице я каким-то образом научился драться: я дрался с детьми старше меня и младше меня, с немцами, испанцами и англичанами. Мне преподавали уроки разбитым в кровь носом и синяками под глазом. Мать лечила мои раны пластырем, а мое честолюбие – ласковым словом. Отец нещадно лупил меня за драки, причем вдвое сильнее, если я проигрывал. Я носил эти ссадины с гордостью, словно боевые награды.

Однако о самих драках я ничего не помню.

Но теперь приходит новое воспоминание: Пол на пирушке по случаю моего повышения по службе. Как это произошло? Я уверен в том, что не приглашал его. Мы собрались в саду в три часа, чтобы выпить за мое здоровье, человек двадцать. Утром шел дождь, но затем тучи ненадолго разошлись, и на маленькой лужайке слабо поблескивало влажное солнце. Я поставил бокалы на садовом столике, позаботившись о том, чтобы был большой выбор белого и красного вина и сока. Я считаю, что лучшая пирушка – та, которая тщательно организована, а мы с Лорой устраиваем хорошие пирушки. Все спланировано. Горы закусок из супермаркета; все подписано, чтобы гости знали, *что*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.